Agatha Christie

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата Кристи

Таинственный мистер Кин

Кин и Саттертуэйт

Агата Кристи

Таинственный мистер Кин

«Эксмо»
1930

Кристи А.

Таинственный мистер Кин / А. Кристи — «Эксмо», 1930 — (Кин и Саттертуэйт)

ISBN 978-5-699-75754-1

Таинственный мистер Харли Кин появляется и исчезает внезапно. Недаром его имя так похоже на «Арлекин». Он всегда выступает другом влюбленных, но появление его ассоциируется со смертью. В эту книгу вошли двенадцать рассказов (мистических и не очень) о мистере Кине. Сама Агата Кристи считала этого загадочного Арлекина одним из любимых своих персонажей.

ISBN 978-5-699-75754-1

© Кристи А., 1930
© Эксмо, 1930

Содержание

I 6
II 16
III 28
IV 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Агата Кристи
Таинственный мистер Кин

Agatha Christie
THE MYSTERIOUS MR. QUIN
© 1930 Agatha Christie Limited, a Chorion company
All rights reserved
© Ганько А., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

I
Приход мистера Кина

Был канун Нового года.

Молодежь уже отправилась спать, а старшее поколение собралось в большой гостиной дома «Ройстон».

Мистер Саттерсвейт был даже рад, что молодые люди покинули компанию. Он не любил находиться в их обществе, считал их неинтересными и слишком шумными. По его мнению, молодежи не хватало тонкости ума, а именно это качество он с годами ценил в людях все больше и больше.

Мистеру Саттерсвейту, сухощавому, чуть ссутулившемуся мужчине с благородными аристократическими чертами лица, исполнилось шестьдесят два года. Энергичный, полный сил, он испытывал неподдельный интерес к жизни, в том числе и других людей. Но мистер Саттерсвейт предпочитал быть сторонним наблюдателем и старался ни во что не вмешиваться. Он, так сказать, сидел в первом ряду партера и внимательно следил за драматическими событиями, разворачивающимися на сцене жизни. Критическое отношение к происходящему пришло с годами, и теперь ему хотелось стать свидетелем чего-нибудь необычного.

На всякого рода драматические происшествия у него был особый нюх. Подобно боевой лошади, ощущающей начало битвы, мистер Саттерсвейт чувствовал приближение интересных событий. Вот и сейчас, едва переступив порог «Ройстона», мистер Саттерсвейт уже почти знал, что они вот-вот произойдут.

Компания, в которой он встречал Новый год, оказалась небольшой. Помимо Тома Эвешэма, хозяина дома, человека с удивительным чувством юмора, и его страстно интересующейся политикой жены, до замужества – леди Лауры Кин, в ней были сэр Ричард Конвей, военный и большой охотник до путешествий, группа из шести-семи молодых людей, чьи имена мистер Саттерсвейт так и не смог запомнить, и супруги Портал.

Именно эта пара заинтересовала мистера Саттерсвейта.

С Алексом Порталом он раньше не встречался, но многое о нем слышал. Он хорошо знал его отца и деда. Как и все Порталы, Алекс имел голубые глаза, светлые волосы, любил спорт и страдал отсутствием хоть какого-то воображения. Короче говоря, ничем не примечательный человек – обычный благородный англичанин в возрасте около сорока.

А вот его супруга… Она, как узнал мистер Саттерсвейт, была австралийкой. Портал познакомился с ней в Австралии два года назад. После свадьбы он привез ее в Англию. На родине мужа мадам Портал никогда не была, но и на австралиек, с которыми встречался мистер Саттерсвейт, никак не походила.

Он тайком наблюдал за ней. Интересная женщина! Даже очень. Спокойная, но с такими живыми глазами! Не красавица, но есть в ней нечто трагическое, чего нельзя не заметить. Странно, почему она красит волосы?

Возможно, ни один мужчина и не догадывался, что мадам Портал красит волосы, а вот мистер Саттерсвейт знал это наверняка. Он вообще замечал многое, чего другие не видели. Например, ему было известно, что темноволосые женщины хотят стать блондинками и потому меняют свой цвет волос. Но мистер Саттерсвейт никогда не встречал блондинок, мечтающих перекраситься в брюнеток. А именно так сделала мадам Портал. Этот факт сильно удивил его.

Все в мадам Портал интриговало его. Интуиция подсказывала, что женщина либо очень счастлива, либо глубоко несчастна. Но он не мог понять, какой из двух фактов – правда. Это раздражало. Тем более что мистер Саттерсвейт заметил, как необычно реагировал на нее ее собственный муж.

«Несомненно, Алекс Портал ее обожает, – решил мистер Саттерсвейт. – Но… иногда и побаивается! Интересно, почему?»

Было заметно, что мистер Портал слишком много выпил, и, когда супруга на него не смотрела, он сам как-то странно на нее поглядывал.

«Нервы, – сказал себе мистер Саттерсвейт. – Этот парень – сплошной клубок нервов. Она прекрасно это знает, но делает вид, что не замечает».

Чем дальше, тем больший интерес вызывала у него эта супружеская пара.

Звон огромных напольных часов отвлек его от размышлений.

– Полночь, – провозгласил Эвешэм. – Новый год наступил. Всем счастливого Нового года. По правде говоря, эти часы спешат на пять минут… Не знаю, почему дети не остались с нами.

– А я нисколько не сомневаюсь, что они еще и не легли, – спокойно ответила его жена. – Скорее всего, сейчас подкладывают нам в постели щетки или что-нибудь еще, такое же колючее. Подобные шутки они просто обожают. Вот только не знаю почему. Нам такого родители не позволяли.

– Autres temps, autres moeurs{ Другие времена, другие нравы *(фр.)*.}, – улыбаясь, произнес Конвей.

Он был высоким, подтянутым, как настоящий военный. У него и Эвешэма было много общего: оба прямолинейные, честные, добрые, без каких-либо претензий на исключительность умственных способностей.

– Мы в их возрасте на Новый год становились в круг, брались за руки и пели «Доброе старое время», – мечтательно подхватила леди Лаура. – Как жаль, что теперь эту песню забыли. А жаль. Она ведь такая трогательная! Я часто задумываюсь над ее словами.

Эвешэм испуганно посмотрел на нее и недовольно проворчал:

– О, Лаура, не надо! Во всяком случае, не здесь.

Он прошел через гостиную и включил еще один светильник.

– Боже, какая же я глупая, – расстроилась леди Лаура и доверительно сказала супруге Портала: – Он, конечно же, вспомнил о бедном мистере Кейпле. Дорогая, тебе не очень жарко?

Элеонор Портал вздрогнула:

– Спасибо. Я немного отодвину от камина стул.

Она опять обратила на себя внимание мистера Саттерсвейта. «Какой у нее чудесный голос. Низкий, бархатный. Такой долго будешь помнить. Лицо в тени. А жаль. Очень бы хотелось на него сейчас посмотреть».

– Мистер… Кейпл? – переспросила миссис Портал.

– Да, тот, кто жил в доме до нас, – пояснила леди Лаура. – Он застрелился… О! Том, дорогой, если хочешь, я не буду о нем говорить. Знаете, Элеонор, Том до сих пор не может успокоиться. Его можно понять: ведь трагедия разыгралась почти у него на глазах. Да и вы, сэр Ричард, здесь были.

– Да, леди Лаура.

Еще одни старинные часы вдруг ожили и пробили двенадцать раз.

– Том, счастливого Нового года, – как бы мимоходом бросил Эвешэм.

Леди Лаура, о чем-то задумавшись, сложила вязанье.

– Ну, вот мы и встретили Новый год. – Она посмотрела на миссис Портал: – Какие у тебя пожелания, моя дорогая?

Элеонор Портал резко поднялась со стула:

– Конечно же, лечь в постель.

Ее голос был неестественно веселым, а лицо слишком бледным, и это не осталось не замеченным мистером Саттерсвейтом. Поднявшись, он стал вынимать из коробки свечи, размышляя: «Да, до этого она такой не была».

Он зажег свечу и с поклоном подал миссис Портал. Та со словами благодарности взяла ее и направилась к лестнице. Почему-то мистеру Саттерсвейту захотелось ее проводить. Появилось предчувствие, что женщина в опасности. Однако, представив, как глупо будет выглядеть, мистер Саттерсвейт остался на месте. Да, и у него стали пошаливать нервы.

А миссис Портал поднялась на второй этаж и только потом, обернувшись, посмотрела на мужа. Взгляд ее был долгим и настороженным. Это очень удивило мистера Саттерсвейта. С трудом сдерживая охватившее его волнение, он пожелал хозяйке дома спокойной ночи. Но леди Лауре, видимо, хотелось поговорить еще.

– Очень надеюсь, что наступивший год окажется счастливым. Правда, политическая ситуация в стране не очень к этому располагает. Знаете, неопределенность меня страшит.

– Да-да, вы абсолютно правы, – пришлось поддержать ее мистеру Саттерсвейту.

– Единственное, на что я надеюсь, – первым, кто ступит на порог нашего дома, окажется брюнет. Вам, конечно, известна эта примета? Как, нет? Вы меня удивляете. Брюнет, если он окажется первым, кто пришел к вам в первый день нового года, приносит удачу. Но пока он не появился, я надеюсь, что никакой мерзости в своей кровати сегодня не обнаружу. Не доверяю детям. Они на такие вещи великие выдумщики.

Леди Лаура сокрушенно покачала головой и, грациозно покачивая бедрами, стала подниматься по лестнице.

Оставшись одни, мужчины пододвинули стулья поближе к уютному теплу камина.

– Скажите, когда довольно. – Улыбаясь, Эвешэм стал наливать всем виски.

Когда бокалы были наполнены, разговор на запрещенную тему возобновился. И первым его начал Конвей:

– Саттерсвейт, ты знал Дерека Кейпла?

– Да. Немного.

– А ты, Портал?

– Нет. Никогда с ним не встречался.

Алекс Портал произнес это так быстро и с таким жаром, что мистер Саттерсвейт озадаченно посмотрел на него.

– Не люблю, когда Лаура заводит о нем разговор, – медленно произнес Эвешэм. – Знаете, после той трагедии дом был куплен крупным промышленником. Но через год он отсюда съехал. Что-то здесь его не устроило. Конечно, ходили разные слухи. За «Ройстоном» вообще утвердилась дурная репутация. Но Лаура настаивала, чтобы мы жили в Вест-Кидлби, а найти в этом районе подходящий дом было делом нелегким. «Ройстон» в то время продавался дешево, и мы его купили. А что касается привидений, то все это пустые разговоры. Мы с Лаурой в них не верим. Но когда тебе дают понять, что ты живешь в доме, где застрелился твой друг, становится не по себе. Да… Бедный старина Дерек, мы так и не узнаем, почему он покончил с собой.

– Не он первый и не он последний самоубийца, чей поступок невозможно объяснить, – мрачно высказался Алекс Портал.

Он поднялся и дрожащей рукой налил еще виски. Мистер Саттерсвейт обеспокоенно отметил про себя: «С ним творится что-то неладное. Он явно чем-то расстроен. Хотелось бы знать чем».

– Боже! – воскликнул Конвей. – Вы только послушайте, какой сильный ветер. Жуткая ночь!

– Да, для привидений лучше и не придумать, – смеясь, заметил Портал. – Теперь все черти вышли на улицу.

– Если верить Лауре, то самый черный из них принесет нам удачу, – улыбаясь, произнес Конвей и тут же тревожно воскликнул: – Вы слышите?

Вслед за очередным завыванием ветра стало слышно, как в дверь дома кто-то громко постучал.

Все удивленно переглянулись, Эвешэм поспешил к входной двери:

– Я открою, слуги уже легли спать.

Он немного повозился с замками и наконец открыл ее. Ледяной ветер ворвался в гостиную.

В дверном проеме стоял высокий, стройный мужчина. Мистеру Саттерсвейту показалось, что витражное стекло за спиной незнакомца заиграло всеми цветами радуги. Только когда тот вошел в холл, он смог разглядеть его. Неожиданный гость в костюме автомобилиста оказался жгучим брюнетом с приятным, ровным голосом.

– Простите за вторжение. Видите ли, у меня сломалась машина. Небольшая неисправность. Мой водитель скоро ее устранит. Это займет полчаса или чуть больше, но на улице так холодно…

– Да-да, конечно, – поспешно произнес Эвешэм. – Входите и выпейте с нами. Мы ничем помочь вам не сможем?

– О нет, спасибо. Мой водитель знает, что делать. Да, кстати, меня зовут Кин. Харли Кин.

– Присаживайтесь, мистер Кин, – пригласил его Эвешэм и представил собравшихся: – Это – сэр Ричард Конвей, это – мистер Саттерсвейт, а я – Эвешэм.

Гость каждому вежливо поклонился и опустился на стул, который ему любезно пододвинул хозяин дома. Отблески затухающего пламени в камине делали его лицо похожим на маску.

Эвешэм подбросил в огонь еще пару поленьев.

– Выпьете?

– Да, с большим удовольствием.

Эвешэм подал виски мистеру Кину.

– Вам здешние места знакомы?

– Я был здесь несколько лет тому назад.

– В самом деле?

– Да. Дом тогда принадлежал человеку по фамилии Кейпл.

– Верно! – воскликнул Эвешэм. – Бедный Дерек Кейпл. Вы знали его?

– Да, я его знал.

Лицо Эвешэма тотчас просветлело. Если до этой минуты он относился к мистеру Кину настороженно, то теперь, когда понял, что перед ним друг его покойного друга, разоткровенничался:

– Происшествие с ним меня поразило. Мы только что о нем говорили. Видите ли, я купил этот дом только потому, что ничего лучше поблизости не оказалось. Я, как и Конвей, постоянно жду, что вот-вот увижу призрак нашего Дерека.

– История с Дереком Кейплом никаким объяснениям не поддается… – нарочито медленно произнес мистер Кин.

– Да, вы совершенно правы, – вмешался Конвей. – Она навсегда останется для нас загадкой.

– Странно, – задумчиво произнес мистер Кин. – Вы что-то сказали, сэр Ричард?

– Я хотел уточнить, что в этом деле много странного. Дерек в тот вечер был весел, строил планы на будущее. Нас за столом было пятеро. Он все время шутил, а сразу после ужина поднялся к себе в комнату, достал из ящика письменного стола револьвер и застрелился. Почему? Этого никто не знает. И не узнает уже никогда.

– Ну почему же? – с улыбкой спросил мистер Кин.

Конвей удивленно на него посмотрел:

– Не понял… Что вы хотите этим сказать?

– Видите ли, если по горячим следам ничего выяснить не удалось, это еще ни о чем не говорит.

– Полноте, мистер Кин! – воскликнул сэр Ричард. – Неужели вы думаете, что можно узнать, почему Дерек покончил с собой? Спустя десять лет?

Мистер Кин покачал головой:

– Не могу согласиться с вашими сомнениями. Правдиво описать события способен лишь историк следующего поколения, а современному это не под силу. Многое по прошествии времени видится совсем иначе.

Алекс Портал подался вперед. Лицо его скривилось, словно от боли.

– Вы правы! Вы абсолютно правы! Время вопроса не снимает. Наоборот, оно помогает взглянуть на него совсем по-иному.

Эвешэм снисходительно улыбнулся:

– Мистер Кин, вы хотите сказать, что если мы сейчас начнем расследовать причину самоубийства Дерека Кейпла, то, скорее всего, найдем ее?

– Да, мистер Эвешэм, такое очень даже возможно. Вспоминая все, что происходило в тот вечер, вы будете излагать факты намного объективнее.

Конвей задумчиво сдвинул брови:

– Да, пожалуй. Конечно, мы думали, что в деле каким-то образом замешана женщина. Обычно на самоубийство идут либо из-за дамы, либо из-за денег. Не так ли? Деньги здесь абсолютно ни при чем. В этом сомневаться не приходится. Остается женщина.

Мистер Саттерсвейт вздрогнул. Он подался вперед, чтобы высказать свое мнение, как вдруг увидел на втором этаже силуэт женщины. Спрятавшись за перилами лестницы, она явно подслушивала, о чем говорят внизу. Никто из сидевших в гостиной, кроме Саттерсвейта, не мог ее заметить. Она стояла не шевелясь, и мистер Саттерсвейт с большим трудом узнал ее. По рисунку на парчовом платье. То была Элеонор Портал.

И теперь он понял, что появление мистера Кина – не простая случайность. Неожиданный гость был подобен актеру, вышедшему на сцену. Мистер Саттерсвейт понял, что перед ними разворачивается драма, один из персонажей которой уже мертв. Да-да, у Дерека Кейпла была своя роль! В этом мистер Саттерсвейт уже нисколько не сомневался.

А Харли Кин вел себя словно режиссер. Он, как умелый кукловод, дергал за ниточки, а куклы покорно исполняли его требования. У мистера Саттерсвейта крепла уверенность в том, что подслушивавшая их разговор миссис Портал в истории самоубийства бывшего владельца дома сыграла далеко не последнюю роль.

Откинувшись на спинку стула, он с интересом наблюдал за разворачивающейся на его глазах драмой. Тем временем мистер Кин продолжал тихо и спокойно дергать за ниточки.

– Женщина… – задумчиво произнес он. – Ну, естественно. Скажите, в тот вечер говорили о какой-нибудь женщине?

– Да, конечно, – оживился Эвешэм. – Дерек сообщил о своей помолвке. Но то, как он это сделал, нас очень удивило. Дерек только намекнул, что собирается нарушить обет безбрачия.

– Но мы сразу поняли, кто его избранница, – вклинился в разговор Конвей. – Марджери Дильк. Чудесная женщина.

Теперь, по логике вещей, предстояло высказаться мистеру Кину. Но он почему-то молчал. Его молчание выглядело провокационным. Он явно не был согласен с Конвеем, и это озадачивало.

– А кто же еще? – удивился Конвей. – А, Эвешэм?

– Не знаю, – медленно произнес Том Эвешэм. – Как он тогда выразился? Сказал, что нарушает обет безбрачия, но имя невесты пока назвать не может – ждет ее разрешения. Насколько я помню, Дерек выглядел жутко счастливым. Говорил, что через год станет самым счастливым мужчиной на свете. Естественно, мы решили, что он женится на Марджери. А как же иначе? Они были очень дружны и виделись часто.

– Да, только вот что странно… – Конвей неожиданно прервал речь.

– Дик, что ты хочешь сказать?

– Странно это, – продолжил Конвей. – Если невеста – Марджери, зачем скрывать имя? К чему такая секретность? Если бы избранница Дерека была замужней женщиной, ждавшей развода, или вдовой, только что похоронившей мужа, тогда понятно.

– Верно, – согласился Эвешэм. – В этом случае о помолвке объявлять было бы преждевременно. А вы знаете, вспоминая то время, я бы сказал, что Дерек встречался с Марджери не так уж и часто. Еще за год до трагического случая в их отношениях произошли перемены. У меня сложилось впечатление, что он к ней охладел.

– Это интересно, – заметил мистер Кин.

– Да-да. Все выглядело так, словно между ними кто-то стоит.

– Другая женщина, – задумчиво произнес Конвей.

– Ну конечно! – воскликнул Эвешэм. – В тот вечер с Дереком творилось нечто невообразимое. Он был буквально пьян от счастья. И в то же время вел себя, непонятно почему, вызывающе.

– Да, как человек, идущий наперекор судьбе, – суровым голосом произнес Алекс Портал.

«О ком это он? – взглянув на него, подумал мистер Саттерсвейт. – О Дереке или о себе? Скорее – о себе. По нему видно, что он чем-то обеспокоен».

Мистер Саттерсвейт украдкой поискал глазами миссис Портал. Она все еще оставалась на прежнем месте и продолжала подслушивать.

– Совершенно верно, – согласился Конвей. – Кейпл был очень возбужден. Словно игрок, неожиданно сорвавший огромный куш.

– Возможно, Дерек просто бравировал, – предположил Портал. Он поднялся и налил себе виски.

Эвешэм резко возразил:

– Ни в коей мере. Могу поклясться, что это не была бравада. Конвей прав: перед нами был удачливый игрок, который никак не мог поверить, что выиграл.

Конвей недоуменно развел руками:

– И все же десять минут спустя Дерек…

В гостиной повисла тишина. Наконец Эвешэм хлопнул ладонью по столу:

– Но в эти десять минут должно же было что-то произойти! Должно! Но что? Давайте вспомним, как все было. Мы сидели за столом и говорили. Во время разговора Кейпл неожиданно поднялся и, ни слова не говоря, вышел из гостиной.

– Зачем? – спросил мистер Кин.

Его вопрос, похоже, привел Эвешэма в замешательство.

– Простите?

– Я только спросил – зачем.

Эвешэм в задумчивости сдвинул брови, напрягая память:

– То, что перед этим произошло, – мелочь. Ну да, пришла почта. Вы помните, как всем нам было весело. Мы пели новогоднюю песенку. Уже три дня бушевала метель. Такого сильного снегопада мы давно не видели. Дороги замело, газеты и письма не доставлялись. Кейпл вышел посмотреть, не пришла ли наконец почта, и вернулся с огромной стопкой корреспонденции. Дерек развернул газету, пробежал ее глазами и вместе с полученными письмами поднялся наверх. Спустя три минуты мы услышали выстрел… Непонятно… Совершенно непонятно.

– Что же непонятного? – подал голос Алекс Портал. – Он явно получил какие-то неожиданные вести.

– Неужели вы считаете, что мы об этом не подумали? Это же было первое, о чем спросил нас следователь. Самое интересное – Кейпл тех писем не вскрывал. Они стопкой лежали на его столе, и ни одно из них не было распечатанным.

Портал выглядел удрученным.

– А вы уверены, что Дерек их не открывал? Что, если он прочел письмо, а потом его сжег?

– Нет. В этом я абсолютно уверен. Конечно, он мог бы прочитать письмо и сразу его уничтожить. Решение вполне разумное. Но в его комнате ни обрывков писем, ни золы не обнаружили.

Портал сокрушенно покачал головой:

– Поразительно.

– Жуткий случай, – понизив голос, произнес Эвешэм. – Когда раздался выстрел, мы с Конвеем бросились наверх и нашли мертвого Дерека. Я был потрясен.

– Вам, как я полагаю, ничего не оставалось, как позвонить в полицию? – поинтересовался мистер Кин.

– Тогда в «Ройстоне» телефона не было. Я поставил его, когда купил дом. Но, к счастью, в это время на кухне находился местный констебль. Конвей, вы помните того несчастного пса по кличке Ровер? Потерявшегося накануне? Извозчик нашел его замерзшим в сугробе и сдал в полицейский участок. Там установили, что пес принадлежит Кейплу. А тот его просто обожал. Вот констебль в тот вечер и доставил Ровера хозяину. Полицейский появился в доме за минуту до выстрела. Так что он избавил нас от многих проблем.

– Помню, падал сильный снег, – заметил Конвей. – Да и вечер, кажется, был тоже предновогодний. Или это случилось в начале февраля?

– Да, в феврале. Мы вскоре должны были уезжать за границу.

– Абсолютно точно! Был февраль. Ты помнишь Неда, моего жеребца? В конце января он повредил ногу. А Дерек покончил с собой уже после этого случая.

– Тогда это мог быть и конец января. Как же все-таки трудно установить дату по прошествии стольких лет!

– Да, очень трудно, – согласился мистер Кин. – Если только не ориентироваться на какую-нибудь знаменательную дату. Например, день покушения на коронованную особу или начало громкого судебного процесса.

– Ну конечно же! – воскликнул Конвей. – Это случилось перед смертью Эпплтона!

– А разве не после?

– Нет-нет. Неужели не помнишь? Кейпл хорошо знал супругов Эпплтон. Прошлой весной он неделю провел со стариком, а потом тот скончался. Как-то Дерек рассказывал о нем. Говорил, что он жуткий скряга. Представляете, как должно быть тяжело с ним его молодой и хорошенькой жене. А та, судя по всему, до конца жила со своим старым мужем.

– Ты прав. Помнится, в газете сообщалось, что покойника должны были подвергнуть эксгумации. А это произошло в тот самый день, когда застрелился Дерек. Странно, что я это запомнил. Ведь я был так потрясен смертью Кейпла.

– Такое часто бывает, – заметил мистер Кин. – В момент потрясения человеческий мозг часто фиксирует незначительные, казалось бы, детали, а потом, в состоянии сильного волнения, неожиданно о них вспоминает. К примеру, вы могли бы запомнить, какой рисунок на обоях в комнате Кейпла или что-то еще.

– Удивительно, мистер Кин, но сейчас я отчетливо могу представить, как выглядела его комната, – подтвердил Конвей. – Я даже помню огромное дерево в окне, а от него тень на сугробе. Надо же! Я и не думал, что в тот момент посмотрел на улицу.

– Комната Дерека располагалась над крыльцом?

– Да. А то дерево – бук, что растет рядом с подъездной аллеей.

Харли Кин одобрительно покачал головой. А мистера Саттерсвейта все больше распирало любопытство. Он чувствовал, что в каждом слове гостя есть глубокий смысл. Тот явно к чему-то клонил, но вот к чему?

После непродолжительного молчания Эвешэм вернулся к разговору об умершем старике:

– Случай с Эпплтоном я отлично помню. Его смерть наделала много шума. А его жена вскоре уехала. Не так ли? Красивая была женщина и на редкость благородная.

Непроизвольно мистер Саттерсвейт поднял глаза и посмотрел на прятавшуюся миссис Портал. Ему показалось, что она после этих слов съежилась еще больше.

Алекс Портал протянул руку к графину, помедлил, а затем, пытаясь налить виски, уронил графин.

– О, простите! Не знаю, что это на меня вдруг нашло.

Эвешэм его успокоил:

– Ничего страшного. Все в порядке, дружище. Странно, но этот упавший графин кое о чем мне напомнил. Вы знаете, что сделала тогда миссис Эпплтон? Она разбила графин с портвейном.

– Да, верно. Старый Эпплтон любил портвейн и каждый вечер пил его. Не более одного бокала. Через день после его смерти одна из служанок видела, как ее хозяйка достала из буфета графин и разбила его. Слуги знали, как тяжело было миссис Эпплтон с мужем. О причине смерти старика ползли разные слухи, и в конце концов его родственники настояли на эксгумации трупа. В результате было установлено, что его отравили. Кажется, мышьяком.

– Нет, стрихнином. Но это уже не столь важно. Отравить его мог только один человек. Его жена. Миссис Эпплтон привлекли к суду. Однако веских доказательств ее вины не нашли, и она была оправдана. Короче говоря, ей сильно повезло, поскольку мало кто сомневался в ее виновности. А что потом с ней стало?

– Кажется, она уехала в Канаду. Или в Австралию? Там у нее жил дядя или какой-то другой родственник. Вот он и пригласил ее к себе. В такой ситуации женщине ничего не оставалось, как уехать из Англии.

Мистер Саттерсвейт заметил, как крепко Алекс Портал сжал в руке свой бокал. «Он же его сейчас раздавит, – мелькнула мысль. – Боже, как же все это интересно!»

Эвешэм поднялся, налил себе виски и подытожил разговор:

– Да, но мы так и не поняли, почему бедняга Дерек застрелился. Так что, мистер Кин, наше расследование ни к чему не привело.

Мистер Кин рассмеялся.

Это был ироничный смех и даже немного грустный. Всем стало не по себе.

– Прошу прощения, но вы, мистер Эвешэм, живете в прошлом. Вы все еще в плену своего предвзятого мнения. Что же касается меня, то я человек со стороны и учитываю только факты!

– Факты?

– Да. Реальные факты.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я рассматриваю изложенные вами факты в их последовательности, тогда как вы никакого значения ей не придаете. Так вот, давайте вернемся на десять лет назад и, отбросив все эмоции, вспомним подробности того вечера. – Мистер Кин поднялся. Теперь он казался очень высоким. В камине за его спиной потрескивали поленья, голос Кина был размерен и неторопливый. – Итак, вы ужинаете. Дерек Кейпл объявляет о своей помолвке. Вы все думаете, что невеста – Марджери Дильк. Но сегодня вы в этом не совсем уверены. Дерек производит впечатление сильно возбужденного человека, который успешно разрешил важнейший в его жизни вопрос. Затем раздается звонок. Дерек открывает дверь, забирает газеты и письма. Как вы говорите, письма он не распечатывает, а только разворачивает газету. Сейчас, спустя десять лет, мы не можем знать, какие новости его интересовали – землетрясение или зреющий в стране политический кризис… Но мы знаем, что в той газете было напечатано сообщение о решении министерства внутренних дел эксгумировать труп мистера Эпплтона и что решение это было принято три дня назад.

– И какой вывод?

Мистер Кин спокойно продолжил:

– Дерек Кейпл поднимается наверх и что-то видит из окна своей комнаты. По словам сэра Ричарда Конвея, шторы на окне были раздернуты и была видна подъездная аллея. Что же мог увидеть Дерек Кейпл? И почему после этого покончил с собой?

– На что вы намекаете? Что он мог увидеть?

– Я думаю, что в окне он увидел полицейского, – ответил мистер Кин.

Воцарилось молчание, во время которого каждый из присутствующих пришел к одному и тому же выводу.

– Боже мой! – прошептал Эвешэм. – Дерек отравил старика Эпплтона? Да этого не может быть! Когда старик умер, его в городе не было. Рядом с покойным была только его жена.

– Но Дерек мог навестить Эпплтона за неделю до своего отъезда. Стрихнин, если он только не в форме гидрохлорида, вещество плохо растворимое. Так что большую его дозу старик мог принять с последним бокалом. Это могло произойти через неделю после отъезда Дерека.

Портал подался вперед. Глаза его налились кровью.

– Тогда почему его жена разбила графин? – прохрипел он. – Скажите мне, почему она разбила графин?

И тут впервые за все это время мистер Кин обратился к Саттерсвейту:

– Мистер Саттерсвейт, у вас богатый жизненный опыт. Может, вы объясните, почему миссис Эпплтон разбила графин?

Мистер Саттерсвейт приосанился. Из зрителя он должен был превратиться в актера и произнести самые важные слова этой драмы.

– Как мне представляется, она хотела уничтожить улики и тем самым спасти Дерека Кейпла. Я полагаю, что, будучи женщиной добросердечной, миссис Эпплтон сама сказала ему, чтобы он уехал. Когда же муж скончался, она догадалась о причине смерти. И чтобы спасти любимого, решила уничтожить улики. Позже Кейплу удалось убедить женщину в своей невиновности. Он даже уговорил ее выйти за него замуж. Правда, сделать это было очень трудно. Ведь известно, какая у женщин интуиция.

И тут раздался стон.

– Боже! – испуганно воскликнул Эвешэм. – Что это?

Мистер Саттерсвейт мог бы объяснить, что это застонала Элеонор Портал, но промолчал – не хотел портить произведенного этим звуком эффекта.

– Ну а моя машина, должно быть, уже готова, – улыбаясь, произнес мистер Кин. – Спасибо вам за гостеприимство, мистер Эвешэм. Надеюсь, я для своего друга кое-что сделал.

Все удивленно посмотрели на него.

– Вы, конечно, поражены. Дерек любил эту женщину. Любил так, что ради нее решился на убийство. Увидев полицейского, подумал, что возмездие за содеянное настигло его, и покончил с собой. И, сам того не желая, поставил миссис Эпплтон в очень трудное положение. Естественно, что виновной в смерти старика посчитали ее. Так что за его деяние ответ пришлось держать ей.

– Но женщина была оправдана, – чуть слышно произнес Эвешэм.

– Дело прекратили за отсутствием улик. Представляю, каково ей было тогда. Думаю, что на этом страдания не закончились: она наверняка и по сей день тяжело переживает тот случай.

Алекс Портал опустился на стул и закрыл ладонями лицо.

Кин повернулся к Саттерсвейту:

– До свидания, мистер Саттерсвейт. Надеюсь, эта драма вас заинтересовала. Не так ли?

Мистер Саттерсвейт удивленно посмотрел на него и молча кивнул.

– В таком случае настоятельно рекомендую вам увлечься арлекинадой. Правда, этот жанр постепенно умирает, но все же он заслуживает внимания. Его символизм для восприятия

немного труден, но вы же знаете, что бессмертное искусство бессмертно всегда. Желаю всем вам спокойной ночи.

Он прошел в холл, открыл дверь и вышел на улицу. Витражное стекло на двери, как и в момент его прихода, засверкало всеми цветами радуги…

Мистер Саттерсвейт поднялся наверх. Поскольку в отведенной ему комнате было холодно, он подошел к окну, чтобы задернуть шторы, и увидел на дорожке одинокую фигуру мистера Кина. Из боковой двери дома кинулась к нему женщина. Они о чем-то заговорили. Затем женщина развернулась и направилась обратно к дому. Она прошла как раз под окном Саттерсвейта, и тот сумел разглядеть ее лицо. Миссис Портал улыбалась!

– Элеонор! – шагнув ей навстречу, воскликнул Алекс Портал. – Прости… прости меня… Ты говорила мне правду, а я тебе не верил…

Как ни интересовала мистера Саттерсвейта чужая жизнь, но все-таки он был прежде всего джентльменом. Поэтому он задернул шторы и отошел от окна. И тем не менее услышал голос Элеонор.

– Я знаю… – с нежностью произнесла Элеонор. – Я знаю, что для тебя это был настоящий ад. Я тоже очень страдала. Ведь все считали меня виновной. Знаю, Алекс, знаю… Но тяжелее всего было твое недоверие. Твой страх отравлял нашу любовь. Понимаешь, я уже не могла этого выносить. Сегодня ночью я собиралась покончить с собой. Ах, Алекс… Алекс…

II
Тень на стекле

– Нет, вы только послушайте! – Леди Синтия Дрейдж громко стала зачитывать объявление в газете: – «На этой неделе в «Грин-Хаус» мистер и миссис Анкертон устраивают прием. Среди приглашенных: леди Синтия Дрейдж, мистер и миссис Ричард Скотт, майор Портер, кавалер ордена «За безупречную службу», миссис Ставертон, капитан Алленсон и мистер Саттерсвейт». Как хорошо узнать, куда и с кем ты приглашена. Но они все напутали!

Мистер Саттерсвейт, чье имя значилось в списке приглашенных последним, вопросительно посмотрел на нее. Всем было известно, что если мистер Саттерсвейт приглашен в один из богатых домов, то это – верный признак того, что там либо подадут самые изысканные блюда, либо произойдет какая-то драма.

Леди Синтия, женщина средних лет, с суровым лицом и чрезмерно увлекающаяся косметикой, похлопала его своим модным зонтиком.

– Только не говорите, что не поняли меня. Вы все прекрасно поняли. Более того, я уверена, что вы пришли сюда специально, чтобы стать свидетелем скандала!

Мистер Саттерсвейт возразил:

– Я не знаю, о каком скандале идет речь.

– Я говорю о Ричарде Скотте. Хотите сказать, что никогда о нем не слышали?

– Ну почему же – слышал. Это тот самый заядлый спортсмен, не так ли?

– Да, он. Анкертоны с ума сойдут, когда о нем узнают. А новобрачная! Милое дитя, но уж очень наивное. Знаете, ей всего двадцать, а ему по меньшей мере лет сорок пять.

– Да, миссис Скотт очаровательна, – спокойно заметил мистер Саттерсвейт.

– Бедное дитя.

– Почему бедное?

Леди Синтия укоризненно посмотрела на него:

– Портер – глупец. Он, как и все, кто охотится в Африке, всегда загорелый и очень молчаливый. Не то что Ричард Скотт. Они с ним друзья с детства. Когда я думаю об их дружбе, то все больше убеждаюсь, что они были в той поездке…

– Какой поездке?

– В которой была и миссис Ставертон. Теперь вы скажете, что не знаете никакой миссис Ставертон.

– Нет, я о ней слышал, – выдавил из себя мистер Саттерсвейт.

Они посмотрели друг на друга.

– Они такие же, как Анкертоны, – плаксивым голосом произнесла леди Синтия. – Я хочу сказать, что они оба нуждаются в поддержке со стороны. Несомненно, они слышали о миссис Ставертон как о спортсменке и путешественнице. И о ее книге, конечно же, знали. Боже, какие же они беспомощные! Весь прошлый год я, можно сказать, была у них советчиком: «Не ходите туда!», «Не делайте этого!» Никто не знает, чего мне это стоило. Но теперь, слава богу, мои мучения закончились. Нет, я с ними не ссорилась – просто терпела. Знаете, мистер Саттерсвейт, я могу мириться с вульгарностью, но не терплю посредственности! – Леди Синтия немного помолчала. – Если бы я хотела устроить настоящий спектакль, то мне следовало бы прямо сказать им: не надо расспрашивать миссис Ставертон о Ричарде Скотте. Они однажды…

Она замолчала и многозначительно посмотрела на мистера Саттерсвейта.

– Что – они однажды? – заинтересованно переспросил тот.

– Боже! Об этом же все знают! Об их поездке! Не представляю, как она смогла на такое решиться.

– Возможно, миссис Ставертон знала, что они будут не одни, – предположил мистер Саттерсвейт.

– Возможно. И даже очень.

– Вы полагаете…

– Таких женщин я называю опасными. Чтобы достичь желаемого, они ни перед чем не остановятся. Да, не хотела бы я оказаться в эти выходные на месте Ричарда Скотта.

– Вы думаете, что его жена ничего не знает?

– Больше чем уверена. Но рано или поздно кто-нибудь из «доброжелателей» непременно ей об этом сообщит. О! А вот и Джимми Алленсон! Прошлой зимой в Египте он меня буквально спас от скуки. Привет, Джимми. Иди к нам.

Капитан Алленсон подошел и опустился на траву рядом с леди Синтией. Это был красивый мужчина лет тридцати, с обворожительной белозубой улыбкой.

– Как приятно слышать, что я еще кому-то нужен. Скотты воркуют, словно голубки, третий в их компании уже лишний. Портер увлеченно читает «Филд», а мне ничего не оставалось, как занимать хозяйку дома. Еле сбежал от нее.

Капитан и леди Синтия рассмеялись. Мистер Саттерсвейт был старомоден и редко позволял себе смеяться над хозяевами во время вечеринок. Чаще всего он это делал, уже покинув дом. Так что мистер Саттерсвейт оставался серьезным.

– Бедняга Джимми, – вздохнула леди Синтия.

– В таких случаях самое главное – вовремя улизнуть. Но мне все же не удалось избежать рассказа миссис Анкертон о призраке.

Леди Синтия, не удержавшись, вскрикнула:

– О призраке Анкертонов? Как это интересно!

На что мистер Саттерсвейт заметил справедливо:

– Это не призрак Анкертонов. Он им достался вместе с домом.

– Ну конечно. Теперь я кое-что припоминаю… Цепями он не звенит. Там что-то связано с окном.

Джимми Алленсон удивленно вскинул брови:

– С окном?

Мистер Саттерсвейт ответил не сразу. Он смотрел поверх головы Джимми на шедших от дома двоих мужчин и молодую стройную девушку. Мужчины были на редкость похожи: оба высокие, с бронзовыми от загара лицами и живыми глазами. Однако по мере их приближения сходство исчезало.

Ричард Скотт, страстный охотник и неутомимый путешественник, был человеком удивительной жизненной энергии. Его манера держаться притягивала к нему людей словно магнит. Джон Портер, его друг и постоянный напарник в охотничьих забавах, имел более плотное телосложение, довольно невыразительное лицо и очень задумчивые глаза. Он был тихим, спокойным, словно его вполне устраивала роль (партия) второй скрипки.

Между ними шагала Мойра Скотт. Всего три месяца назад она носила фамилию О'Коннел. У нее были большие и умные карие глаза, золотистые с красноватым отливом волосы обрамляли маленькое личико, словно нимб.

Разглядывая ее, мистер Саттерсвейт пришел к выводу, что такой ангел страдать не должен. Это было бы крайне несправедливо.

Леди Синтия приветливо помахала им своим наимоднейшим зонтиком:

– Присаживайтесь. Только не прерывайте мистера Саттерсвейта. Он нам рассказывает историю о призраке.

– Люблю слушать о призраках, – сказала Мойра Скотт и села на траву.

– Вы рассказываете о призраке «Грин-Хауса»? – поинтересовался Ричард Скотт.

– Да. А вы о нем уже слышали?

Скотт кивнул:

– В свое время я останавливался в этом доме. До того, как Эллиоты были вынуждены его продать. Подсматривающий Рыцарь, так его, кажется, называют?

– Подсматривающий Рыцарь, – задумчиво произнесла его жена. – Мне имя нравится. Во всяком случае, звучит интригующе. Пожалуйста, мистер Саттерсвейт, продолжайте.

Но мистеру Саттерсвейту расхотелось продолжать эту тему. Он стал убеждать миссис Скотт, что ничего интересного в этом нет. Но Ричард Скотт возмутился:

– Саттерсвейт! Вы уже начали, так почему бы вам не продолжить?

Все принялись уговаривать мистера Саттерсвейта рассказать историю о призраке до конца, и тому ничего не оставалось, как уступить.

– Нет, правда, это не так интересно, как вы думаете. История связана с одним из предков семейства Эллиот. У его жены был любовник. Пуританин. Любовники решили избавиться от мужа. Убийство произошло в одной из верхних комнат. Преступная парочка решила бежать. Перед тем как выйти за ограду дома, они оглянулись и – о ужас! – увидели в окне лицо наблюдающего за ними убитого. Вот так. Но это всего лишь легенда, а лицо призрака – не что иное, как разводы на оконном стекле. Дело в том, что вблизи лица мужчины не увидеть – только на расстоянии.

– А какое это окно? – поинтересовалась миссис Скотт с любопытством, поглядывая на дом.

– Отсюда его не видно. Оно – с обратной стороны дома. Лет сорок назад его наглухо заколотили досками.

– А зачем? Ведь призрак по дому не ходит.

– Да, не ходит, но, судя по всему, это окно наводило страх на людей. – И мистер Саттерсвейт ловко перевел разговор на другую тему, спросив Джимми Алленсона о поездке в Египет.

Капитан с удовольствием принялся рассказывать о гадающих на песке предсказателях судьбы:

– Большинство из них, конечно, жуткие мошенники. Рассказывают вам о прошлом, а о будущем предпочитают молчать.

– Казалось бы, должно быть наоборот, – заметил Джон Портер.

– Но в Египте гадание запрещено, – сказал Ричард Скотт. – Не так ли? Мойра попыталась уговорить цыганку предсказать ей судьбу, но та вернула деньги и гадать не стала.

Мойра грустно усмехнулась:

– Возможно, она увидела что-то пугающее…

– Не волнуйтесь, миссис Скотт, – весело ободрил ее Алленсон. – Никогда не поверю, что вам может грозить что-то плохое.

«Интересно, – подумал мистер Саттерсвейт. – Очень интересно…»

Он поднял глаза и увидел идущих к ним женщин: пышнотелую брюнетку, облаченную в несуразное желтовато-зеленое платье, и высокую, стройную женщину в элегантном светло-кремовом одеянии. Толстушкой была миссис Анкертон, хозяйка дома, а о другой даме мистер Саттерсвейт слышал много, но видел впервые.

– Это – миссис Ставертон, – с явным удовольствием представила гостью миссис Анкертон. – Прошу любить и жаловать.

– У некоторых есть определенный дар портить другим настроение, – чуть слышно пробормотала леди Синтия.

Но мистер Саттерсвейт ее не слушал. Он с огромным интересом разглядывал миссис Ставертон и размышлял: «Как свободно держится. А чего стоит это непринужденно брошенное: «Привет, Ричард. Как же давно мы с тобой не виделись. Прости, что не была у тебя на свадьбе. А это твоя жена? Вам, должно быть, уже наскучили его старые друзья?»

Мойра, немного смутившись, ответила, что друзья ее мужа – очень приятные люди. Миссис Ставертон перевела взгляд на Портера:

– Здравствуй, Джон! – Ее голос звучал так же непринужденно, но уже с большей теплотой.

Она улыбнулась, и улыбка преобразила ее лицо. «Да, леди Синтия была абсолютно права, – подумал мистер Саттерсвейт. – Эта молодая женщина действительно очень опасна! Синие, необычные для таких сирен, как она, глаза, плюс манера говорить медленно и с придыханием. А ее внезапная ослепительная улыбка?»

Айрис Ставертон элегантно опустилась в кресло и как-то незаметно стала главной фигурой в компании. Судя по всему, она всегда становилась центром всеобщего внимания.

Предложение майора Портера прогуляться вывело из задумчивости Саттерсвейта. Мистер Саттерсвейт не был большим любителем пеших прогулок, но тем не менее согласился, и они медленно побрели по зеленой лужайке.

– Интересную историю вы только что рассказали, – заметил майор.

– Я вам сейчас покажу то окно.

Мистер Саттерсвейт повел майора к западной стороне дома. Здесь находился небольшой английский сад. Все называли его «уединенным». Он вполне оправдывал свое название, поскольку прятался за живой изгородью из падуба, как и тропинка к нему, пролегающая между такими же высокими и колючими падубами.

Аккуратные клумбы пестрели красивыми цветами; дорожки, выложенные плиткой, низкие лавочки из резного камня с причудливым узором дополняли уютное уединение этого места.

Когда мужчины дошли до середины сада, мистер Саттерсвейт обернулся и указал рукой на дом:

– Вот оно.

Здание «Грин-Хаус» тянулось с севера на юг. В его западной стене имелось всего одно окно – на первом этаже, грязное и почти сплошь заросшее плющом. Было видно, что изнутри оно забито досками.

Вытянув шею, Портер вглядывался в окно.

– Гм… Но я ничего, кроме какого-то пятна, не вижу.

– Мы слишком близко от дома, – пояснил мистер Саттерсвейт. – А вот если посмотреть с лесной прогалины, то можно увидеть кое-что другое.

Покинув сад, они вышли на опушку леса. Саттерсвейт так увлекся показом, что не обратил внимания на странную рассеянность Портера и полное отсутствие интереса к удивительному явлению.

– Конечно, взамен заколоченного им пришлось прорубить другое окно, – воодушевленно продолжал мистер Саттерсвейт. – Оно на южной стороне дома и выходит прямо на ту самую лужайку, где мы только что отдыхали. Думаю, миссис Скотт было бы неприятно узнать, что она спит в комнате, из окна которой смотрит призрак. Поэтому мне и не хотелось рассказывать эту легенду.

– Да, понятно, – произнес Портер.

Мистер Саттерсвейт резко повернулся и посмотрел на него. Стало ясно, что майор его совсем не слушает.

– Очень интересно. – Портер, нахмурившись, с размаху ударил тростью по высокой наперстянке. – Ей не следовало здесь появляться. Никогда.

Мистер Саттерсвейт привык к тому, что люди разговаривают в столь странной манере, и нисколько этому не удивился. С расспросами он не приставал – предпочитал оставаться только слушателем.

– Нет, она не должна была сюда приходить, – вновь пробормотал Портер.

Мистер Саттерсвейт догадывался, что речь идет не о миссис Скотт.

– Вы так думаете?

Портер, словно предчувствуя беду, сокрушенно покачал головой и неожиданно заявил:

– Я был в той поездке. Нас было трое: Скотт, я и Айрис. Айрис – удивительная женщина и очень хорошая спортсменка. – Майор немного помолчал. – Не понимаю, почему ее пригласили.

Мистер Саттерсвейт пожал плечами:

– Наверное, они сделали это по незнанию.

– Теперь надо ждать беды, – сказал Портер. – Придется постоянно быть рядом и сделать все, чтобы ее не допустить.

– Но миссис Ставертон наверняка…

– Я говорю о миссис Скотт, – перебил его майор. Возникла неловкая пауза. – Видите ли, все дело в миссис Скотт.

Мистер Саттерсвейт и сам предполагал, что беда грозит жене его приятеля, а не миссис Ставертон, однако говорить это своему собеседнику не стал. Вместо этого он спросил:

– А как мистер Скотт познакомился со своей будущей женой?

– Произошло это в Каире, прошлой зимой. Он не очень медлил: через три недели состоялась их помолвка, а через шесть они поженились.

– Его супруга – очаровательная женщина.

– Да. Несомненно. И он ее просто обожает. Но не в этом дело. – И снова майор Портер, словно разговаривая с собой, задумчиво произнес: – И все же ей не следовало сюда приходить…

Когда они взобрались на высокий, поросший травой холм, мистер Саттерсвейт, подобно экскурсоводу, получавшему радость от своей работы, снова указал на дом:

– А теперь посмотрите на то окно.

Уже темнело, но на стекле заколоченного изнутри окна отчетливо виднелась голова мужчины в шляпе с пером.

– Любопытно, – сказал Портер. – Весьма любопытно. А что будет, если разбить стекло?

Мистер Саттерсвейт улыбнулся:

– Произойдет удивительнейшая вещь. Дело в том, что оконное стекло меняли неоднократно. Не меньше одиннадцати раз. Последний раз это произошло двенадцать лет назад. Тогдашний владелец дома решил покончить с легендой. Однако сделать ему это не удалось – изображение головы мужчины появилось и на новом стекле. Правда, не сразу, а через некоторое время. Оно появлялось, как правило, через месяц или два.

Здесь впервые Портер проявил неподдельный интерес к загадочной истории. Он даже передернулся:

– Странная история. И никакого объяснения этому явлению нет. А почему окно забили изнутри?

– Посчитали, что эта комната приносит несчастья. Супруги Эвешэм останавливались в ней, а потом неожиданно развелись. После них в этой комнате ночевал Стенли с женой, а через некоторое время он сбежал от нее с хористкой.

Портер удивленно поднял брови:

– Понятно. Выходит, что комната таит в себе опасность не для жизни, а для брака.

«Да, – подумал мистер Саттерсвейт. – А сейчас ее занимают Скотты. Что ж, интересно…»

По той же тропинке они направились обратно к дому. Каждый думал о своем. Мягкая земля скрадывала звук шагов, и майор с мистером Саттерсвейтом, сами того не желая, стали свидетелями чужого разговора.

Как только они обогнули высокий падуб, из глубины сада до них донесся взволнованный голос Айрис Ставертон:

– Ты… ты об этом еще пожалеешь!

Голос мужчины был очень тих. Слов невозможно было разобрать. Но мистер Саттерсвейт узнал его. Этот голос принадлежал Ричарду Скотту.

– Ревность – страшная вещь! – снова послышался резкий возглас женщины. – Из-за нее даже совершают убийства! Будь осторожен, Ричард! Будь осторожен!

Через мгновение из сада появилась миссис Ставертон и, не заметив притаившихся за колючим кустом майора и Саттерсвейта, быстро, словно за ней гнались, зашагала к дому.

Тут мистер Саттерсвейт вспомнил, что леди Синтия назвала эту даму опасной, и впервые за все это время ощутил приближение неотвратимой трагедии.

Однако позже он устыдился своего страха. Все шло нормально: миссис Ставертон продолжала держаться непринужденно и никаких признаков раздражения не выказывала, Мойра Скотт была с ней приветлива. Казалось, обе прекрасно ладят друг с другом. Сам Ричард Скотт пребывал в приподнятом настроении и был шумно весел.

Из всей компании самой озабоченной казалась миссис Анкертон. В конце концов она подошла к мистеру Саттерсвейту и доверительно призналась ему:

– Не знаю, может быть, вам это покажется глупостью, но у меня от страха по спине мурашки бегают. Откроюсь вам: втайне от Неда я вызвала стекольщика.

– Стекольщика?

– Да. Чтобы он вставил новое стекло. Нед гордится этим призраком. Говорит, что он придает дому некое очарование. Но мне это совсем не нравится. Так что вскоре у нас будет новое стекло. И без призрака.

– Вы забыли или, может, не знаете… Лицо на стекле появится вновь.

– Возможно. Единственное, что я могу сказать, – это будет противоестественно!

Мистер Саттерсвейт удивленно поднял брови, но промолчал. А миссис Анкертон почти вызывающе продолжала:

– Ну и что из того, если оно снова появится? Мы с Недом не бедные. И конечно, можем позволить себе менять стекло каждый месяц. А если нужно, будем менять его каждую неделю.

Мистер Саттерсвейт ничего не ответил. Он прекрасно знал, что деньги могут сделать все – даже победить самого призрака.

Сославшись на усталость, он покинул общество миссис Анкертон и стал подниматься к себе в комнату. Джон Портер и миссис Ставертон разговаривали в алькове гостиной. Молодая женщина была явно раздражена:

– Я и не знала, что Скотты тоже приглашены. Иначе, клянусь, я бы сюда не пришла. Но раз уж я здесь, мой дорогой Джон, то отсюда ни за что не сбегу…

Это все, что смог расслышать мистер Саттерсвейт, поднимаясь по широкой лестнице.

«Сколько в ее словах правды? – подумал он. – Действительно ли она не подозревала, что Ричард Скотт и его жена будут в гостях у Анкертонов? Что же теперь нас ждет?..»

Мистер Саттерсвейт сокрушенно покачал головой и вошел в отведенную ему комнату.

Проснувшись на следующее утро, он решил, что все его опасения напрасны. «Видимо, нервы шалят. Что ж, в такой ситуации это неудивительно. Вокруг меня нормальные люди. Так что ожидание неминуемой катастрофы – не что иное, как результат нервного перенапряжения, а возможно, происки расшалившейся печени. Да, точно, печени. Но ничего страшного – через две недели я уже буду лечить ее в Карлсбаде».

Вечером мистеру Саттерсвейту захотелось прогуляться, пока было еще светло, и он предложил майору Портеру составить ему компанию. А заодно проверить, приходил ли вызванный миссис Анкертон стекольщик и заменил ли он стекло. А себе мистер Саттерсвейт сказал: «Тебе нужно больше двигаться. Прогулка на свежем воздухе пойдет только на пользу».

Мужчины медленно шагали по лесу. Портер, как и накануне, в основном молчал, и мистеру Саттерсвейту пришлось взвалить на себя бремя поддержания разговора.

– Знаете, я думаю, что вчера в своих воображениях мы зашли слишком далеко. Это ожидание беды… Все же люди должны вести себя прилично и уметь сдерживать свои чувства.

– Возможно, – ответил Портер, а через пару минут уточнил: – Цивилизованные люди.

– Вы хотите сказать…

– Те, кто подолгу живут вдали от цивилизованного мира, иногда сильно деградируют. Или становятся дикарями. Можно и так сказать.

Они поднялись на поросший травой высокий холм. Мистер Саттерсвейт тяжело дышал. Он никогда не любил крутых подъемов.

Саттерсвейт посмотрел на окно и увидел, что лицо мужчины в шляпе с пером по-прежнему на том же месте.

– Миссис Анкертон, как я вижу, передумала.

Портер бросил беглый взгляд на окно:

– Видимо, менять стекло запретил муж. Ведь призрак – предмет его гордости. – Он замолчал и, не отрывая глаз, внимательно всматривался, как это ни странно, вовсе не в окно, а в окружавший подлесок. – Вам никогда не приходило в голову, что цивилизация чертовски опасная штука? – наконец прервал паузу Портер.

– Опасная? – переспросил пораженный таким неожиданным замечанием Саттерсвейт.

– Да. И спасения от нее нет.

Майор резко развернулся и начал спускаться с холма. Мистер Саттерсвейт последовал за ним.

– Я не совсем вас понимаю, – догнав Портера, сказал он. – Разумные люди…

Тот сухо засмеялся и посмотрел на шагавшего рядом с ним разумно мыслящего джентльмена.

– Вы думаете, мистер Саттерсвейт, что я несу вздор? Но есть люди, и вы это знаете, которые могут предсказать шторм. Они загодя ощущают его приближение. Другие могут предсказать беду. Так вот я чувствую, что она вот-вот произойдет. И это будет большая беда. Возможно… – Он резко остановился и схватил мистера Саттерсвейта за руку. В наступившей тишине прозвучали два выстрела, а затем раздался женский крик. – Боже, это произошло! – воскликнул Портер и кинулся к дому.

Мистер Саттерсвейт, громко пыхтя, побежал за ним. Вскоре они оказались на лужайке возле живой ограды. В ту же минуту из-за противоположного угла дома выбежали Ричард Скотт и мистер Анкертон. Остановившись, они посмотрели сначала друг на друга, а потом на вход в сад.

– Стреляли… стреляли там, – тяжело дыша, произнес хозяин дома и вяло указал на сад.

– Мы должны посмотреть, – решительно произнес Портер.

Войдя в сад, майор замер на месте. Мистер Саттерсвейт посмотрел через его плечо и остолбенел. Ричард Скотт громко вскрикнул.

В саду было трое. Двое из них, мужчина и женщина, неподвижно лежали на траве возле каменной лавки. Третья, миссис Ставертон, стояла рядом с ними у живой изгороди, сжимая что-то в правой руке. В ее глазах застыл ужас.

– Айрис! – крикнул Портер. – Что у тебя в руке?

Она отрешенно посмотрела на свою руку.

– Пистолет, – словно не веря своим глазам, медленно произнесла миссис Ставертон. – Я его подобрала.

Мистер Саттерсвейт подошел к склонившимся над телами убитых Анкертону и Скотту.

– Доктора, – тихо произнес Ричард. – Надо позвать доктора.

Но доктора звать было уже поздно. Джимми Алленсон, еще недавно сетовавший на фелаха-прорицателя за то, что тот отказался предсказать ему будущее, и Мойра Скотт, которой цыганка вернула деньги и не стала гадать, лежали бездыханными.

Проявив завидную выдержку, первым осмотрел тела убитых Ричард Скотт. Он перенес сильное потрясение, но быстро пришел в себя.

– Стреляли сзади, – осторожно положив труп жены на землю, сообщил он. – Пуля прошла навылет.

Затем осмотрел капитана. Пуля вошла в грудь и застряла в его теле.

– До прихода полиции ничего не трогать, – сурово приказал подошедший Джон Портер.

– Полиции… – словно эхо, повторил Ричард Скотт.

Он перевел взгляд на стоящую возле живой изгороди миссис Ставертон, и в глазах его вспыхнул огонь. Скотт шагнул было к ней, но вовремя подоспевший майор встал на его пути.

Портер молча покачал головой и тихо произнес:

– Нет, Ричард, ты ошибаешься. Все было совсем не так, как ты думаешь.

Ричард Скотт провел языком по пересохшим губам и с трудом выговорил:

– Тогда… почему у нее в руке пистолет?

– Я его подняла, – все тем же безжизненным голосом ответила Айрис Ставертон.

– Полиция, – поднимаясь с колен, произнес Анкертон. – Надо вызвать полицию. И прямо сейчас. Скотт, может быть, ты позвонишь? А здесь кто-то должен остаться. Непременно остаться.

Мистер Саттерсвейт с присущей ему деликатностью вызвался побыть на месте трагедии. Нед Анкертон облегченно вздохнул:

– А я тем временем сообщу о происшествии дамам. Леди Синтии и моей дорогой супруге.

Оставшись в саду один, мистер Саттерсвейт посмотрел на то, что когда-то было Мойрой Скотт.

– Бедное дитя, – тихо произнес он. – Бедное дитя…

«Ну разве не Ричард Скотт виноват в гибели своей жены? – размышлял мистер Саттерсвейт. – Как же люди все-таки жестоки! А расплачиваются за их жестокость невинные».

Ему не хотелось думать о том, какое наказание понесет Айрис Ставертон.

С жалостью он снова взглянул на убитую. Ее кукольное личико в обрамлении взъерошенных золотистых волос было белым, на губах застыла улыбка. На мочке ее маленького уха мистер Саттерсвейт заметил пятнышко крови. «Наверное, когда падала, порвала сережкой», – подумал он и, выгнув шею, посмотрел на другое ухо женщины. Он оказался прав – в нем торчала сережка с маленькой жемчужиной.

Бедное дитя, бедное дитя!..

Все собрались в библиотеке. Инспектор полиции, сорокалетний мужчина с проницательными глазами, подводил итог проведенному им расследованию. К этому времени он опросил большинство гостей и теперь уже не сомневался в правильности своих выводов.

– Как я понимаю, вы, господа, – полицейский обратился к майору и мистеру Саттерсвейту, – были на прогулке и возвращались по тропинке, вдоль левой ограды сада. Это так?

– Абсолютно верно, инспектор.

– Вы услышали два выстрела и женский крик?

– Да.

– Затем вы кинулись к дому. Из леса ваш путь лежал к входу в сад. Поскольку в саду только один вход, а через его колючую изгородь пробраться невозможно, то, если бы кто-то выбегал из него, вы бы его непременно заметили. Если же беглец попытался свернуть направо, то наткнулся бы на мистера Анкертона и мистера Скотта. Верно?

– Да, верно, – ответил Портер.

Лицо майора было белым как полотно.

– Таким образом, все пока ясно, – подвел итог инспектор. – Мистер и миссис Анкертон вместе с леди Синтией Дрейдж в это время сидели на лужайке. Мистер Скотт находился в бильярдной. Десять минут седьмого миссис Ставертон вышла из дома, перебросилась парой

фраз с сидевшими на лужайке дамами и, обогнув дом, направилась в сад. Через две минуты раздались выстрелы. Мистер Скотт выбежал из дома и вместе с мистером Анкертоном бросился к саду. Одновременно вы и мистер… Саттерсвейт подошли к входу в сад с другой стороны. Миссис Ставертон вы застали в саду. В руке она держала пистолет, из которого были произведены эти два выстрела. Ясно, что сначала она выстрелила в спину миссис Скотт, сидящей на скамье, а когда к ней кинулся капитан Алленсон, вторично нажала на спусковой крючок. Как я понимаю, когда-то между ней и мистером Ричардом Скоттом существовала… э… взаимная привязанность.

– Это наглая ложь! – воскликнул Портер.

Полицейский молча покачал головой.

– А что говорит сама миссис Ставертон? – поинтересовался мистер Саттерсвейт.

– Говорит, хотела немного побыть одна. Поэтому пошла в сад. Перед тем как завернуть за угол изгороди, услышала выстрелы. У входа в сад она увидела пистолет на земле. Никто мимо нее не пробегал. Она подняла пистолет и, войдя в сад, никого, кроме убитых, не увидела. – Многозначительно помолчав, инспектор добавил: – Так говорит миссис Ставертон, и, хотя я ее предостерег, она все равно хочет сделать заявление.

– Если она так сказала, значит, это правда, – резко ответил майор Портер. – Я хорошо знаю Айрис Ставертон и могу за нее поручиться.

– Об этом мы поговорим позже. А пока я делаю то, что положено полицейскому.

Портер бросил взгляд на Саттерсвейта и с надеждой воскликнул:

– А вы? Вы не можете нам помочь? Неужели ничего нельзя сделать?

Мистер Саттерсвейт растерялся: его, самого непримечательного из гостей Анкертонов, молили о помощи! И кто? Бравый майор Джон Портер!

Он уже собирался сказать ему, что бессилен помочь, как тут в комнату вошел Томпсон. На серебряном подносе, который держал в руке привратник Анкертонов, лежала визитная карточка. Томпсон, как бы извиняясь, кашлянул и протянул поднос своему хозяину. Тот, ссутулившись, молча сидел в кресле и участия в обсуждении произошедшего пока не принимал.

– Сэр, я сказал джентльмену, что вы его вряд ли примете. Но он был настойчив. Сказал, что вы сами назначили ему встречу.

Анкертон взял с подноса визитку и прочитал:

– Мистер Харли Кин. Да-да, я помню. Мы хотели поговорить по поводу картины. Я сам назвал время нашей встречи, но сейчас принять его…

– Вы сказали «мистер Харли Кин»?! – прервав его, вскрикнул мистер Саттерсвейт. – Потрясающе! Это – просто невероятно! Майор Портер, вы спросили меня, смогу ли я вам помочь? Теперь я отвечу, что смогу. Мистер Кин – мой друг. Вернее, мой знакомый. Он необыкновенный человек.

– Один из самодеятельных следователей, я полагаю, – насмешливо произнес инспектор полиции.

– Нет. Он совсем не такой. Этот джентльмен обладает поразительной способностью заставить вас правильно разобраться в том, что вы сами видели или слышали. Так давайте же расскажем ему обо всем, что здесь произошло, и посмотрим, что он на это скажет.

Мистер Анкертон с опаской глянул на инспектора. Но тот только фыркнул и демонстративно уставился в потолок.

Дождавшись от хозяина разрешающего кивка, Томпсон вышел. Вскоре он вернулся вместе с высоким худощавым мужчиной.

– Мистер Анкертон? – спросил гость и пожал руку хозяину дома. – Простите, что беспокою вас в такое время. Мы можем поговорить о картине позже. О, кого я вижу! И мой друг мистер Саттерсвейт здесь! Вы, как и прежде, обожаете драмы?

Последнюю фразу Харли Кин произнес с улыбкой на губах. Взволнованный мистер Саттерсвейт поспешил объясниться:

– Мистер Кин, здесь произошло трагическое событие. Мы все оказались его свидетелями. Я и мой друг майор Портер хотели бы услышать ваше мнение.

Мистер Кин сел. Свет красной лампы падал на клетчатое пальто гостя, но лицо его, которое было похоже на маску, оставалось в тени.

Мистер Саттерсвейт вкратце поведал о несчастье в «Грин-Хаус» и, затаив дыхание, стал ждать, что скажет его знакомый «оракул».

Харли Кин молча покачал головой, а потом произнес:

– Да, история более чем печальная. Страшная трагедия. А в отсутствие мотивов преступления – жутко интригующая.

Анкертон удивленно посмотрел на него и вмешался:

– Вы не поняли. Ведь всем известно, что миссис Ставертон угрожала Ричарду Скотту. Она сильно ревновала его к жене. А ревность…

– Согласен, – прервав его, ответил мистер Кин. – Ревность или маниакальная одержимость. Это – одно и то же. Но вы меня не поняли. Когда я сказал, что отсутствует мотив преступления, то имел в виду убийство не миссис Скотт, а капитана Алленсона.

Взволнованный Портер не выдержал и вскочил со стула:

– Вы правы! Вот где неувязка! Если бы Айрис хотела застрелить миссис Скотт, то выбрала бы для злодеяния момент, когда та окажется одна. Нет, обвиняя ее в убийстве, мы совершаем ошибку. Мне видится более вероятным другой вариант. В саду были только трое. Никто с этим не спорит. И я тоже. Но я представляю обстоятельства трагедии совсем иначе. Предположим, что Джимми Алленсон убивает миссис Скотт, а затем стреляет в себя. Разве такое невозможно? Падая, он отбрасывает пистолет от себя. Входящая в сад миссис Ставертон видит на земле пистолет и поднимает его. Так она, собственно говоря, и утверждала. Ну, как вам такой вариант?

Инспектор полиции неодобрительно покачал головой:

– Нет, майор Портер, ваша версия не проходит. Если бы капитан Алленсон стрелял в себя, то ткань его одежды в том месте, где вошла пуля, была бы опалена.

– Но он мог выстрелить, держа пистолет в вытянутой руке.

– А зачем? Не вижу смысла. И мотивов убийства тоже.

– Ну, может быть, у него внезапно помутился рассудок, – неуверенно пробормотал Портер и, помолчав, неожиданно бодро спросил: – Ну а у вас какая версия, мистер Кин?

Тот покачал головой:

– Увы, но я не волшебник. И даже не криминолог. Но я вот что вам скажу. В любом расследовании для меня самое ценное – это зрительные и слуховые впечатления. В каждой ситуации всегда есть такой момент, на который никто не обращает внимания. Мистер Саттерсвейт, вы здесь, я думаю, самый непредвзятый наблюдатель произошедших событий. Постарайтесь все вспомнить и скажите, что потрясло вас больше всего: выстрелы или увиденные вами трупы, а может, пистолет в руке миссис Ставертон? Абстрагируйтесь от всего, вами виденного и услышанного, и скажите.

Мистер Саттерсвейт посмотрел на Харли Кина, словно школьник на учителя, задавшего трудный вопрос.

– Нет, самое сильное потрясение я получил совсем от другого, – медленно произнес он. – И это врезалось в мою память на всю жизнь. Никогда не забуду, как я стоял один возле убитых и смотрел на миссис Скотт. Она лежала на боку. Волосы ее растрепались, а мочка уха была в крови.

И тут мистер Саттерсвейт почувствовал, что сказал что-то жутко важное.

– Ее мочка была в крови? – переспросил Анкертон. – Да, я тоже это заметил.

– Должно быть, при падении миссис Скотт порвала ее сережкой, – сказал мистер Саттерсвейт и тут же понял, что его предположение звучит не совсем убедительно.

– Мойра лежала на левом боку, – заметил Портер. – Значит, у нее было порвано левое ухо?

– Нет, – быстро поправил его мистер Саттерсвейт, – правое.

Инспектор кашлянул.

– Я нашел это в траве. – Он показал искореженную золотую петельку.

– Бог ты мой! – воскликнул майор. – Но так изуродовать сережку при обычном падении невозможно. Такое впечатление, что ее задела пуля.

– А так оно и было! – воскликнул в ответ мистер Саттерсвейт. – В сережку попала пуля. По-другому и быть не могло.

– Да, но вы слышали всего два выстрела, – напомнил инспектор. – Одна пуля не могла, задев сережку миссис Скотт, войти ей в спину. Если первым выстрелом сережку вырвало из уха, а вторым – сразило женщину, то капитан Алленсон должен был остаться в живых. Но только в том случае, если он находился от миссис Скотт не слишком близко. Но он убит, а это значит, что…

– Что она была в его объятиях, – улыбнувшись, продолжил его размышления мистер Кин. – Вы это хотели сказать? Ну а почему бы и нет?

Все удивленно уставились друг на друга. Предположение, высказанное гостем, казалось им абсурдным. Первым опомнился мистер Анкертон:

– Этого не может быть. Чтобы Алленсон и миссис Скотт… Они же были едва знакомы.

– Не знаю, – сказал мистер Саттерсвейт. – Они могли знать друг друга гораздо лучше, чем мы думаем. Леди Синтия рассказала мне, что прошлой зимой в Египте капитан спас ее от скуки. – Он посмотрел на Портера: – Вы сказали, что Ричард Скотт познакомился со своей будущей женой прошлой зимой, в Каире. Так что мистер Алленсон и миссис Скотт могли знать друг друга еще до этого.

– Да, но они у нас сегодня почти не общались, – заметил мистер Анкертон.

– Ну конечно же. Они просто старались друг друга избегать. И понятно почему.

Все с еще большим удивлением посмотрели на мистера Кина. Он тотчас поднялся со стула.

– Вот видите, какую помощь оказал нам мистер Саттерсвейт, – сказал он и повернулся к Анкертону: – Теперь ваш черед.

– Мой? – удивился тот. – Я вас не понимаю.

– Когда я вошел в комнату, вы были очень задумчивы. Так вот, я хотел бы знать, какие мысли вас занимали. Не важно, если они не имеют никакого отношения к трагедии или связаны… с вашим суеверием. Скажите нам, о чем вы думали в тот момент.

– Хорошо, я скажу, – ответил Анкертон. – Только это действительно никак не связано с убийством. Возможно, вы даже посмеетесь надо мной. Видите ли, тогда я думал об окне. Мне очень хотелось, чтобы супруга оставила его в покое и ничего в нем не меняла. Понимаете, у меня такое предчувствие, что если оконное стекло, в котором появляется призрак, убрать, то в нашем доме произойдет несчастье.

Мистер Саттерсвейт и майор удивленно посмотрели на него.

– Но она пока еще не поменяла стекло, – сказал мистер Саттерсвейт.

– Нет, его уже заменили, – возразил Анкертон. – Стекольщик сделал это сегодня рано утром.

– О боже! – воскликнул Портер. – Теперь я, кажется, кое-что понял! Скажите, на стенах этой комнаты панельная обшивка, а не обои?

– Да. А какое это имеет значение?

Майор выскочил из библиотеки. Остальные поспешили за ним. Взбежав по лестнице, Портер вошел в спальню Скоттов. Это была уютная, отделанная кремовыми панелями комната, с двумя выходящими на юг окнами. Майор провел руками по ее западной стене.

– Где-то здесь должна быть пружина… Ага! Вот она!

Раздался тихий щелчок, и часть деревянной панели откинулась от стены. За ней оказалось окно. В одной раме было грязное стекло, а в другой – новое и чистое. Портер быстро наклонился и что-то поднял с пола. Затем он вытянул руку перед собой и разжал ладонь. На ней оказался маленький кусочек пушистого страусового пера. Майор вопросительно посмотрел на мистера Кина. Тот в ответ молча кивнул, подошел к шкафу и открыл его. Там лежало несколько шляпок убитой миссис Скотт. Мистер Кин достал одну из них – с широкими полями и кудрявыми страусовыми перьями. Эту шляпку Мойра надевала, когда каталась на лошади.

– Представим себе крайне ревнивого мужчину, – мягким голосом произнес мистер Кин. – Этот мужчина не однажды останавливался в этой комнате и знал, как снимается загораживающая окно панель. И вот в один прекрасный день он ее снимает и выглядывает в окно. А из него, заметьте, просматривается весь сад. А там он видит свою жену. И не одну – с мужчиной. Чувство ревности захлестывает его. Он догадывается об их давнем знакомстве. Он приходит в ярость. «Что делать?» – думает обманутый муж. Тут он вспоминает о призраке, идет к шкафу и, достав из него шляпу с перьями, надевает ее. Затем ревнивец снова подходит к окну. Он знает, что если кто-то и посмотрит на него с улицы, то наверняка примет за призрака. Увидев свою жену в объятиях любовника, он стреляет. А он – хороший стрелок. Даже отличный. Когда они падают, он снова стреляет. Пуля попадает жене в сережку и вырывает ее из уха. Затем он бросает пистолет в сад, быстро спускается по лестнице и через бильярдную выбегает из дома.

Портер шагнул к мистеру Кину и в бешенстве прокричал:

– И он позволил, чтобы ее обвинили в убийстве? Он стоял рядом и ничего не предпринял. Почему? Почему?

– Мне кажется, я знаю почему, – ответил мистер Кин. – Правда, это только мое предположение. Представьте, что когда-то Ричард Скотт безумно любил Айрис Ставертон. Настолько безумно, что, спустя несколько лет встретив свою бывшую возлюбленную, снова приревновал ее. Можно предположить, что и миссис Ставертон его любила. Однако в поездку по Африке они отправились не одни – с ними был еще один мужчина. И женщина предпочла его, не Ричарда Скотта. Она поняла, что тот гораздо достойнее.

– Достойнее… – задумчиво произнес майор. – Так вы полагаете, что…

– Да, это – вы, – улыбаясь одними губами, ответил мистер Кин и, немного помолчав, добавил: – На вашем месте я бы пошел к ней.

– Конечно же я иду, – торопливо сказал Джон Портер и выбежал из комнаты.

III
В отеле «Колокольчики и мишура»

Мистер Саттерсвейт был раздражен. День выдался неудачным. И выехали они поздно, и машина получила уже два прокола. Мало того, шофер свернул не на ту дорогу, и они в конце концов оказались в одном из глухих мест Сейлсбери-Плейн.

Время близилось к восьми вечера, а они все еще находились в сорока милях от Марсвик-Мейнор. Здесь случился третий прокол шины, и это обстоятельство еще больше расстроило Саттерсвейта.

Он нервно расхаживал перед воротами гаража, напоминая маленькую взъерошенную птичку. Его шофер тем временем на повышенных тонах разговаривал с местным автомехаником.

– На все уйдет не менее получаса, – вынес свой приговор специалист по ремонту машин.

– А если быть точным, то минут сорок пять, – заметил Мастерс, водитель Саттерсвейта. – Если, конечно, нам повезет.

– Кстати, а что это за место? – плаксивым голосом поинтересовался мистер Саттерсвейт.

Все же он был джентльменом и, чтобы не обидеть автомеханика, назвал эту дыру «местом».

– Киртлингтон-Маллет.

Название Саттерсвейту ни о чем не говорило. Однако в его звучании он уловил что-то знакомое для себя.

Недовольно поморщившись, мистер Саттерсвейт огляделся. Киртлингтон-Маллет, похоже, состоял из единственной кривой улочки, авторемонтной мастерской и почтового отделения с тремя торговыми лавками напротив. Посмотрев вдоль дороги, мистер Саттерсвейт увидел наконец то, что хотя и немного, но все же подняло его настроение.

– Я вижу, у вас и гостиница есть.

– Да, – подтвердил механик. – «Колокольчики и мишура». Она… вон там.

– Сэр, у меня к вам предложение, – сказал Мастерс. – Почему бы вам в нее не зайти? Там наверняка вас накормят. Правда, не тем, к чему вы привыкли.

Он знал, что мистер Саттерсвейт привык к кухне лучших европейских поваров, а любимым лакомством для него был сыр «Гордон-блю».

– Все равно мы раньше чем через сорок пять минут с места не тронемся. В этом я абсолютно уверен. Уже поздно – девятый час. А из гостиницы вы сможете позвонить сэру Джорджу Фостеру и передать ему, что мы задерживаемся.

– Мастерс, ты, похоже, все предусмотрел, – недовольно фыркнув, заметил мистер Саттерсвейт.

Мастерс, как человек, знающий себе цену, вежливо промолчал.

Мистер Саттерсвейт, которого не очень-то вдохновляла возможность поужинать в местной гостинице, тем не менее с тоской посмотрел на раскачивающуюся на ветру вывеску отеля. Он был эпикурейцем, но и малоежки иногда испытывают чувство голода.

– «Колокольчики и мишура», – задумчиво произнес мистер Саттерсвейт. – Какое странное название для гостиницы. Ничего подобного я раньше не слышал.

– И посетители в ней тоже странные, – не отрываясь от работы, пробурчал автомеханик.

– Странные посетители? Что вы хотите этим сказать?

– Ну, они в ней почему-то подолгу не задерживаются. – Рабочий, похоже, и сам не знал, что имел в виду.

«Люди сначала останавливаются в гостиницах, потом уезжают. Это же вполне естественно, – размышлял про себя мистер Саттерсвейт. – Странно».

В Саттерсвейте взыграло любопытство, и он захотел посмотреть, что творится в отеле. Тем более что надо же было где-то скоротать эти сорок пять минут. А «Колокольчики и мишура» – провинциальная гостиница, которая должна быть не хуже других гостиниц ее уровня.

Мистер Саттерсвейт вышел на дорогу и семенящей походкой направился к отелю.

Неожиданно прогремел гром. Механик посмотрел на небо и произнес:

– Гроза будет. Это я даже по воздуху чувствую.

– Плоховато, – заметил Мастерс. – Нам ведь еще сорок миль ехать.

– Отлично! – обрадовался механик. – Тогда мне можно и не спешить. Вам все равно придется ждать. Вы же в грозу не поедете. Твой босс наверняка предпочтет отсидеться.

– Надеюсь, что в гостинице ему понравится, – пробормотал шофер. – Пойду-ка и я что-нибудь перекушу.

– За Билли Джонса можешь быть спокоен. У него отличная кухня.

Мистер Уильям Джонс, дородный мужчина лет пятидесяти, в эту минуту, глядя на маленького мистера Саттерсвейта, сиял от радости.

– Сэр, могу вам предложить превосходный натуральный бифштекс и жареный картофель. А также чудесный сыр. Столовая у нас вот здесь. Сейчас в ней свободно. Последний рыбак только что ушел. Но чуть позже она будет переполнена. На этот раз охотниками. Так что там никого, кроме господина по фамилии Кин, нет.

Мистер Саттерсвейт вздрогнул.

– Кин? – изумился он. – Вы сказали – Кин?

– Да. А он что, ваш приятель?

– Да. Конечно приятель! – радостно воскликнул мистер Саттерсвейт, позабыв на миг, как много на земле людей с такой фамилией. Он нисколько не сомневался в том, что это тот самый джентльмен, с которым ему уже доводилось встречаться. Теперь название отеля не казалось ему странным – оно как нельзя лучше подходило для места, где мог появиться такой необычный человек, как мистер Кин. – Боже, как странно, что вновь пересеклись наши дороги! Его полное имя Харли Кин?

– Так точно, сэр, – ответил владелец гостиницы. – И он сейчас в столовой.

Увидев Саттерсвейта, мистер Кин, высокий и загорелый, поднялся из-за стола и заулыбался:

– О, мистер Саттерсвейт! Какая неожиданная встреча!

Мистер Саттерсвейт подошел и крепко пожал ему руку.

– Очень рад! Очень рад! А меня сегодня преследуют неудачи. Проблема с машиной. А вы здесь остановились? Надолго?

– Всего на одну ночь.

– Тогда мне действительно повезло.

Мистер Саттерсвейт сел напротив него и, облегченно вздохнув, принялся разглядывать своего приятеля. Харли Кин, улыбаясь, покачал головой:

– Вы на меня так внимательно смотрите, словно ждете, когда же я начну вынимать из рукава кролика или аквариум с золотыми рыбками. Но я должен вас разочаровать – фокуса не будет.

– Но это же очень плохо! Должен признаться, что я всегда ожидаю от вас каких-нибудь чудес. Вы для меня – волшебник. Ха-ха-ха! Вот за кого я вас принимаю. За мага и волшебника!

– И все же не я творю чудеса, а вы, – уважительно ответил мистер Кин.

– Если я и делаю это, то только благодаря вам. На меня, как бы это сказать… с вашей помощью снисходит вдохновение.

Мистер Кин, улыбаясь, вновь покачал головой и возразил:

– Слишком громко сказано. Просто я даю вам намек, а остальное – за вами.

В этот момент к ним подошел владелец гостиницы и поставил на столик блюдо с аккуратно нарезанным хлебом и масленку с большим куском сливочного масла. За окнами неожиданно сверкнула молния, следом послышались раскаты грома.

– Да, сегодня нас ожидает жуткая ночь, – заметил Билли Джонс.

– В такую ночь… – начал мистер Саттерсвейт, но тут же замолчал.

– Догадываюсь, о чем вы. Именно в такую ночь капитан Харвелл привез молодую жену домой, а потом навечно сгинул.

– Да! – вдруг воскликнул мистер Саттерсвейт. – Ну да, конечно! – Он вспомнил, почему название поселка показалось ему знакомым: три месяца назад ему на глаза попалась газетная статья, в которой говорилось о загадочном исчезновении капитана Ричарда Харвелла. Ознакомившись с подробностями этого происшествия, он долго ломал голову, пытаясь понять, куда мог подеваться капитан. – Ну конечно, это же произошло в Киртлингтон-Маллет, – не унимался мистер Саттерсвейт.

Хозяин гостиницы продолжил свой рассказ:

– Прошлой зимой Ричард Харвелл приехал сюда поохотиться и внезапно пропал. Исчез из собственного дома. О, я с ним хорошо был знаком. Симпатичный молодой господин. Думаю, он сбежал с… Но это моя догадка. Я много раз видел их вместе. Они катались на лошадях. Капитан и мисс Ле-Куто. Все в поселке говорили про их любовь. А в том, что он мог всерьез увлечься этой канадкой, ничего удивительного не было бы: она очень красивая и молодая. Поговаривали, что в ее жизни произошла какая-то трагедия. Но о подробностях мы уже не узнаем. Ей пришлось продать дом и перебраться в Англию. Здесь ей тоже пришлось нелегко: все показывали на нее пальцем. А чем она, бедняжка, была виновата? Да, загадочная история.

Он покачал головой и, вспомнив о своих делах, поспешно вышел.

– Таинственная история, – тихо произнес мистер Кин.

Саттерсвейт понял, что от него ждут замечаний.

– Хотите сказать, что можете разгадать историю, в которой не разобрался сам Скотленд-Ярд? – резко спросил он.

Мистер Кин развел руками:

– Почему бы и нет? С той поры прошло много времени, а это только облегчает задачу.

– Странно вы рассуждаете, – заметил мистер Саттерсвейт. – Вы считаете, что по прошествии времени выяснить, куда делся капитан, гораздо легче?

– Да. Чем больше времени проходит с момента происшествия, тем объективнее начинаешь оценивать связанные с ним факты.

Несколько минут прошло в молчании.

– А я в этом не уверен, – наконец нерешительно произнес мистер Саттерсвейт. – Мне кажется, я не смогу четко представить, что же тогда случилось.

– Нет, вы все прекрасно вспомните, – спокойно ответил мистер Кин.

Уверенности в своих возможностях – вот чего всегда не хватало мистеру Саттерсвейту. Всю жизнь он оставался только слушателем и наблюдателем за происходящим с другими и только в компании мистера Кина начинал играть совсем другую роль. Теперь его знакомый превращался в слушателя, а он – в рассказчика.

– Чуть больше года назад, – начал мистер Саттерсвейт, – «Эшли-Грандж» перешел во владение мисс Элеонор Ле-Куто. Это – красивый старинный особняк, в котором долгое время никто не жил. Более заботливой хозяйки, чем мисс Ле-Куто, для такого замка было не сыскать. Она – французская канадка. Ее предки бежали в Канаду во время Французской революции. От них ей досталась коллекция бесценных реликвий и антиквариата той эпохи. Коллекцию она пополняла и к выбору новых вещей для нее подходила с сознанием дела. После той трагедии

мисс Ле-Куто решила продать свой дом со всем его содержимым мистеру Сайрусу Брэберну. Не моргнув глазом, этот американский миллионер заплатил ей за дом и коллекцию антиквариата шестьдесят тысяч фунтов. – Мистер Саттерсвейт немного помолчал. – А рассказал я вам эту историю вовсе не потому, что она имеет какое-то отношение к нашей. Просто мне нужно было передать вам ту атмосферу, в которой жила молодая миссис Харвелл.

Мистер Кин понимающе кивнул.

– Да, для понимания человека это всегда важно, – мрачно ответил он.

– Итак, общее представление о женщине мы получили, – продолжил мистер Саттерсвейт. – Ей двадцать три года. Она – красивая брюнетка, можно сказать – совершенство, и, что немаловажно, очень богатая. О последнем не стоит забывать. Она рано осиротела и жила вместе с миссис Сент-Клер, дамой благородных кровей с высоким социальным положением. Та ей была вроде компаньонки. Однако Элеонор Ле-Куто была девушкой самостоятельной и абсолютно независимой. Охотников предложить ей руку и сердце – хоть отбавляй. Вокруг нее постоянно увивались поклонники. Это были бедные молодые люди. Поговаривали, что молодой лорд Леккан, самый подходящий для нее жених, делал ей предложение, но она его отвергла. Это было еще до того, как появился капитан Ричард Харвелл. Он приехал поохотиться и остановился в местной гостинице. Капитан слыл лихим наездником. Красивый, веселый. Одним словом, видный мужчина. В конце второго месяца знакомства у них состоялась помолвка, а спустя еще три месяца капитан Ричард Харвелл и Элеонор Ле-Куто поженились. Медовый месяц молодые провели за границей, а когда вернулись в Англию, решили остановиться в «Эшли-Грандж». По словам владельца отеля, они приехали в такую же грозу, как сейчас. Кто знает, возможно, это было дурным предзнаменованием. На следующее утро, где-то в половине восьмого, капитана видели в саду с Джоном Матиасом – садовником. Настроение у Ричарда Харвелла было прекрасным, он весело насвистывал. Но после этого капитана уже никто больше не видел.

Мистер Саттерсвейт прервал рассказ, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела на мистера Кина его последняя фраза. Увидев, как у того заблестели глаза, он продолжил:

– Это было загадочное исчезновение и абсолютно необъяснимое. Его обезумевшая от горя супруга обратилась в полицию только на следующий день. Полицейские так и не нашли его.

– Но хоть какие-то предположения о причине исчезновения капитана были? – спросил мистер Кин.

– О, я вам о них сейчас расскажу! Итак, предположение номер один: Ричарда Харвелла убили. Но в таком случае где же труп? Вряд ли его могли спрятать. А потом, могли ли его убить? Мотивы для этого полностью отсутствовали. Насколько известно, врагов у капитана не было.

Мистер Саттерсвейт неожиданно замолчал и задумался. Его приятель подался вперед.

– Вы сейчас думаете о молодом Стивене Гранте, – мягко подсказал мистер Кин.

– Да, о нем. Стивен Грант, если мне не изменяет память, служил у Харвелла конюшим. Он как-то отпустил в адрес капитана грубую шутку, и тот его выгнал. На следующий день после приезда молодоженов, причем рано утром, бывшего конюшего видели неподалеку от «Эшли-Грандж». На вопрос, почему он там оказался, Стивен ничего толком объяснить не смог. Полиция задержала его, обвинив в причастности к исчезновению бывшего хозяина. Однако доказательств вины парня найти не смогли, и его отпустили. Да, он мог иметь зуб на капитана, но убить своего работодателя за то, что тот его уволил, – это слишком. Полиция стала отрабатывать другие версии – но впустую. Как я уже сказал, заклятых врагов у капитана Харвелла не было.

– Так все считали, – задумчиво произнес мистер Кин.

Мистер Саттерсвейт кивнул:

– И вот к чему мы подошли. Что же известно нам о капитане Харвелле? Кто он такой? Откуда родом? Судя по всему, из приличной семьи. Он был потрясающим наездником и, очевидно, состоятельным человеком. Это все, что смогли рассказать о нем жители Киртлингтон-Маллет. У мисс Ле-Куто ни родителей, ни родственников, которых можно было бы расспросить о ее женихе, не было, поэтому полиция пришла к закономерному заключению: капитан Харвелл женился на богатой девушке по расчету. Что ж, история стара, как мир! Но все оказалось совсем не так. Да, родственников мисс Ле-Куто не имела, зато она была клиенткой известной в Лондоне адвокатской конторы. Показания ее служащих сделали историю исчезновения капитана еще более загадочной. Оказалось, что Элеонор Ле-Куто хотела положить на счет своего будущего мужа солидную сумму. Однако тот категорически отказался. Капитан заявил, что сам далеко не беден. Впоследствии достоверно было установлено, что ни пенни из кармана жены он не взял. Так что все ее состояние осталось в полной неприкосновенности. Выходит, никаким брачным авантюристом ее муж не был. А что, если целью капитана была коллекция антиквариата? Не собирался ли он завладеть ею, а в будущем шантажировать жену, если та задумает развестись? Этот вариант всегда казался мне наиболее правдоподобным. Но только до сегодняшнего вечера.

Мистер Кин удивленно посмотрел на него:

– До сегодняшнего вечера?

– Да. Теперь он кажется мне неубедительным. Мог ли капитан бесследно исчезнуть, если в саду работал садовник? Кроме того, он вышел из дому с непокрытой головой.

– Да, вы правы. Садовник же видел капитана?

– Да, Джон Матиас видел его.

– А полицейские расспросили садовника?

– Конечно! Отвечая на их вопросы, он держался уверенно и в показаниях не путался. Более того, все, что сказал Матиас, было подтверждено его женой. Он вышел из своего коттеджа в семь утра, чтобы поработать в теплицах, а вернулся без двадцати восемь. Слуги, находившиеся в доме, слышали, как в четверть восьмого хлопнула входная дверь. Это свидетельствует о том, что именно в это время капитан Харвелл покинул дом. О, я знаю, о чем вы сейчас подумали.

– Интересно, о чем же? – спросил мистер Кин.

– О том, что времени для убийства было предостаточно. Но где мотив? А если садовник все же совершил преступление, то куда он мог спрятать труп?

В столовую с подносом в руках вошел владелец отеля.

– Простите, господа, за то, что заставил вас ждать, – подойдя к гостям, извинился он и поставил на стол две тарелки, на которых лежало по огромному бифштексу и обжаренный до хрустящей корочки картофель.

От аппетитного запаха у мистера Саттерсвейта зашевелились ноздри.

– Выглядит превосходно, – пожирая глазами мясо, сказал он. – А мы с мистером Кином обсуждаем исчезновение капитана Харвелла. Скажите, что стало с садовником Матиасом?

– Кажется, устроился работать в Эссексе. Здесь оставаться не захотел. Понимаете, после того случая на него стали косо поглядывать. Но лично я в его причастность к исчезновению капитана не верю.

Мистер Саттерсвейт приступил к ужину. Мистер Кин последовал его примеру. Но Билли Джонс уходить не торопился – ему явно хотелось поговорить. Мистер Саттерсвейт против его присутствия нисколько не возражал. Напротив, ему хотелось задать хозяину отеля несколько вопросов.

– Скажите, а что за человек этот садовник Матиас?

– Мужчина средних лет. В молодости, должно быть, отличался недюжинной силой, но с годами его скрючил ревматизм. Иногда боль в суставах была такой сильной, что он не мог

работать. А мисс Элеонор, у которой очень доброе сердце, несмотря ни на что, держала его. Толку от него как от садовника не было, а вот его жена, служившая кухаркой, работала за двоих.

– Что она за женщина? – продолжал расспрашивать мистер Саттерсвейт.

– Да так, ничего особенного. Среднего возраста, строгая. К тому же тугая на ухо. Сказать по правде, я мало что знаю об этой паре. До дня исчезновения капитана они прожили здесь всего месяц. По их словам, Матиас, пока его не скрутила болезнь, был превосходным садовником. При приеме на работу мисс Элеонор он представил на себя отличную рекомендацию.

Ответ владельца отеля разочаровал Саттерсвейта.

– Скажите, а она сама интересовалась садом? – вкрадчиво спросил мистер Кин.

– Нет, сэр. Мисс Элеонор не из тех наших местных дам, которые платят своим садовникам приличное жалованье, а сами все свободное время, ползая на коленях, ковыряются в земле. Конечно, глупо все это. Видите ли, мисс Ле-Куто сюда редко наезжала. Разве что зимой, когда открывался сезон охоты. А все остальное время она жила в Лондоне. Или на побережье Франции. Я слышал, что там дамочки ходят по пляжу, но не купаются – боятся намочить свои купальные костюмы.

Мистер Саттерсвейт улыбнулся.

– Скажите, а у капитана Харвелла не было… любовницы? – спросил он, хотя и не верил, что в деле могла быть замешана женщина.

Уильям Джонс отрицательно помотал головой.

– Нет, – ответил он. – Во всяком случае, я о ней не слышал. Нет-нет, к его исчезновению женщина непричастна.

– А как вы считаете, кто мог быть причастен? – спросил мистер Саттерсвейт.

– Как я считаю?

– Да.

– Не знаю, что и думать. Я твердо верю в то, что капитан убит, а вот кто это сделал – ума не приложу. Господа, сейчас вам принесут сыр.

Хозяин собрал со стола пустую посуду и вышел. Гроза, которая, казалось, начинала стихать, вдруг разразилась с новой силой: небо над поселком разорвала ослепительная молния, прогремели раскаты грома. От страха мистер Саттерсвейт подскочил на стуле. Прежде чем наступила тишина, в зале появилась молодая высокая брюнетка. Она принесла разрекламированный хозяином отеля сыр. У девушки был угрюмый вид. Лицом она очень походила на Уильяма Джонса.

«Явно его дочь», – глядя на нее, подумал мистер Саттерсвейт.

– Добрый вечер, Мэри, – поздоровался с ней мистер Кин. – Какая жуткая гроза.

Девушка в ответ молча кивнула.

– Ненавижу грозовые ночи, – чуть слышно произнесла она.

– Наверное, боитесь молнии? – спросил ее мистер Саттерсвейт.

– Боюсь молнии? Кто угодно, только не я! И вообще, я мало чего боюсь. Просто в такую ночь все говорят об одном и том же. Трещат как попугаи. Мой отец такой же. Как начинается гроза, он заводит одну и ту же песню: «Вот, перед тем как пропасть капитану Харвеллу, была точно такая же гроза». Ну и так далее. – Девушка посмотрела на мистера Кина и продолжила: – Его причитания вы уже слышали. Вот только какой от них прок? Зачем ворошить прошлое?

– Прошлое – это то, с чем уже успели смириться, – заметил мистер Кин.

– А разве с исчезновением капитана еще не смирились? А если он сам хотел исчезнуть? Такое с благородными господами иногда случается.

– Считаешь, что Харвелл исчез по собственному желанию?

– Почему бы и нет? Во всяком случае, это лучше, чем обвинять в убийстве такого доброго человека, как Стивен Грант. Зачем ему было убивать капитана, скажите вы мне? В тот день Стивен немного перебрал, ну и, не сдержавшись, наговорил ему лишнего. За это Харвелл его

и уволил. Ну и что из этого? Он же нашел себе место. И не хуже прежнего. Так зачем же ему убивать капитана? Да еще так хладнокровно.

– Но полицейских его показания удовлетворили. Так что Стивена Гранта никто убийцей не считает.

– Полицейских! – возмущенно воскликнула Мэри. – Разве в них дело? Стоит Стивену зайти вечером в бар, как все только и делают, что таращат на него глаза. Никто не верит, что он преступник, но все равно предпочитают держаться от него подальше. Представляете, каково ему теперь? К нему относятся, как к прокаженному. Мой отец даже и слышать не хочет о нашей свадьбе. Знаете, что он мне сказал? «Девочка моя, ты могла бы отнести своих поросят и на более приличный рынок. Я ничего не имею против Стивена, но…» – Девушка замолкла. От возмущения она тяжело дышала. – Это жестоко! – прокричала она. – Жестоко! Стивен никогда и мухи не обидит! А теперь к нему приклеили ярлык убийцы. Он же от этого страдает. И чем больше он страдает, тем подозрительнее к нему относятся люди. Они считают, что если он мучается, то, значит, здесь что-то нечисто.

Мэри вновь замолкла. Ее взгляд остановился на мистере Кине.

– И ничего нельзя сделать? – спросил мистер Саттерсвейт. Он был крайне удручен, поскольку прекрасно понимал, что доказать невиновность жениха девушки невозможно.

Мэри резко повернулась к нему:

– Ровным счетом ничего. Если только они найдут капитана Харвелла. Или же он сам объявится.

Она всхлипнула и кинулась к двери. Мистер Саттерсвейт был полон искреннего сочувствия.

– Очень милая девушка. Да, случай печальный. Жаль, что мы ничем не можем ей помочь.

Его доброе сердце не давало ему покоя.

– Мы сделаем все, что в наших силах, – ответил мистер Кин. – Ведь ваша машина будет готова только через полчаса.

– Вы полагаете, что эти разговоры нас к чему-нибудь приведут?

– У вас, мистер Саттерсвейт, богатый жизненный опыт, – мрачно произнес мистер Кин. – Не каждый из нас может этим похвастаться.

– Жизнь проходит мимо меня, – с горечью посетовал мистер Саттерсвейт.

– Но зато у вас острый глаз. Вы замечаете то, чего другие не видят.

От этих слов на душе у Саттерсвейта сразу потеплело.

– Это верно. Из меня получился превосходный наблюдатель. – Мистер Саттерсвейт немного помолчал. – Я считаю так: чтобы понять, как и почему исчез капитан Харвелл, мы должны изучить сложившуюся ситуацию.

– Очень хорошо, – одобрил мистер Кин.

– А ситуация такова: мисс Ле-Куто, то есть миссис Харвелл, теперь вроде бы замужняя женщина и в то же время без мужа. Официально она несвободна и снова выйти замуж не может. Капитан Ричард Харвелл представляется нам в этой истории фигурой зловещей. Это – человек, неизвестно откуда взявшийся, да еще с загадочным прошлым.

Мистер Кин одобрительно кивнул:

– Согласен. Вы изложили то, чего не могли не заметить другие. Личность капитана Харвелла действительно вызывает подозрение.

Мистер Саттерсвейт недоуменно посмотрел на него – он рисовал себе немного иную картину, – тем не менее продолжил:

– Итак, ситуацию мы себе представили. Или, точнее сказать, результат. А теперь мы можем перейти к…

– Да, но вы не затронули финансовой стороны вопроса, – прервал его мистер Кин.

– Вы абсолютно правы, – после недолгих раздумий согласился мистер Саттерсвейт. – Итак, что мы в результате той трагедии имеем? Миссис Харвелл одновременно замужем и не замужем. Выйти вторично замуж не может. Мистер Сайрус Брэберн покупает «Эшли-Грандж» и все, что в нем находится, за шестьдесят тысяч фунтов, а некто в Эссексе принимает на работу в качестве садовника Джона Матиаса. Ни американского миллионера, ни человека в Эссексе в причастности к исчезновению капитана Харвелла мы не подозреваем.

– Скоропалительное заявление, – заметил мистер Кин.

Мистер Саттерсвейт резко повернулся к нему:

– Но вы же согласитесь с тем, что…

– Да-да, я согласен с вами, – поспешно произнес мистер Кин. – То, о чем я подумал, полный абсурд. Так что продолжайте.

– Вернемся к тому злополучному дню. Представим, что капитан исчез сегодня утром.

– Нет-нет, – улыбаясь, возразил мистер Кин. – Поскольку время над нашим воображением не властно, давайте поступим иначе. Представим, что история с Ричардом Харвеллом произошла сотни лет назад и мы из две тысячи двадцать пятого года оглядываемся назад.

– Вы – странный человек, – медленно произнес мистер Саттерсвейт. – Вы верите в прошлое, а не в настоящее. Интересно, почему?

– Недавно вы употребили слово «атмосфера». Так вот, в настоящем атмосфера отсутствует.

– Да, наверное, вы правы, – задумчиво произнес мистер Саттерсвейт. – Нет, вы абсолютно правы. Взгляд на настоящее редко бывает объективным.

– Это вы хорошо сказали.

Саттерсвейт шутливо отвесил поклон:

– Вы очень добры.

– В таком случае будем считать, что капитан пропал не в этом году, а… в прошлом, – продолжил мистер Кин. – Ну а теперь вы, тот, кто одной фразой способен описать целую эпоху, скажите мне, чем был примечателен тот год?

Мистер Саттерсвейт, который дорожил своей репутацией, перед тем как ответить, немного подумал.

– Если сто лет назад была эпоха пудры и мушек на лице, то прошлый, тысяча девятьсот двадцать четвертый год, вошел в историю как год кроссвордов и воров-домушников.

– Очень хорошо. Надо полагать, вы в своей оценке исходили из того, что происходило только в Англии?

– Что касается повального увлечения кроссвордами, утверждать не могу, но вот кражи в домах были частыми и на континенте. Помните, по Франции прокатилась волна ограблений старинных замков? Грабители проникали внутрь каким-то загадочным способом. Возникло подозрение, что преступления – дело рук группы иллюзионистов. Неких Клондини. Однажды я видел их выступление. Мать, сын и дочь. Они исчезали со сцены незаметно для зрителей. Чудеса, да и только! Да, но мы отклонились от темы.

– Не очень, – произнес мистер Кин. – Только пересекли Ла-Манш.

– Да, и оказались там, где, по словам нашего гостеприимного хозяина, дамы боятся воды, – смеясь, ответил мистер Саттерсвейт.

Далее последовала многозначительная пауза.

– Так почему же исчез капитан? – воскликнул мистер Саттерсвейт. – Почему? Зачем ему это было нужно? Прямо какой-то загадочный трюк.

– Да, и в самом деле похоже на трюк, – согласился мистер Кин. – На обман зрения. А для этого используется какой-нибудь отвлекающий прием. Например, выстрел из пистолета или взмах красного платка. Внимание зрителей отвлечено, и они не видят самого главного.

Мистер Саттерсвейт подался вперед. Глаза его лихорадочно заблестели.

– Да, в этом что-то есть! Вы сказали, что отвлекающим приемом может служить выстрел из пистолета? А что в деле капитана могло послужить отвлекающим моментом?

– Его исчезновение. Ведь, кроме этого, больше ничего не произошло.

– Ничего? Тогда предположим, что капитан не исчезал, а последующие события развивались так, как им и положено.

– Вы хотите сказать, что мисс Ле-Куто все равно продала бы «Эшли-Грандж» мистеру Брэберну, а потом без всякой на то причины уехала?

– Да.

– Вполне возможно. В таком случае возникает ряд вопросов. Как нам известно, наибольшую ценность в этой сделке представляла коллекция антиквариата… Подождите-ка!

Мистер Саттерсвейт задумался.

– Вы абсолютно правы! – наконец воскликнул он. – Все внимание было сосредоточено на капитане Харвелле, а его жена оставалась как бы в тени. О, эта мисс Ле-Куто! Мы все время спрашиваем себя, кто такой капитан и откуда он взялся, а вот происхождением женщины не интересуемся. И только потому, что она – потерпевшая сторона. Теперь же мне хотелось бы выяснить, а в самом ли деле она французская канадка и действительно ли ей досталось такое богатое наследство? Вы были правы, когда сказали, что мы недалеко ушли от обсуждаемой темы – только пересекли Ла-Манш. Так вот, сдается мне, что так называемое «наследство» было похищено из тех самых французских замков. И состояло оно в основном из предметов искусства, открыто выставить которые, конечно же, было невозможно. Поэтому она покупает дом, скорее всего, за чисто символическую цену, и, поселившись в нем, берет себе в компаньонки ничего не подозревающую англичанку. Вскоре объявляется и «капитан Харвелл». Теперь основа для осуществления авантюры подготовлена. Затем следует «свадьба» и исчезновение «капитана». Девять дней уходит у нее на то, чтобы после такого «потрясения» прийти в себя. Последующее ее решение продать дом и уехать выглядит вполне естественно: женщине, потерявшей мужа, не хочется видеть то, что напоминает о трагедии. Покупатель – богатый коллекционер, а все вещи в доме – настоящие произведения искусства, многие из которых бесценны. Американец делает мисс Ле-Куто предложение, она его принимает и, продав дом со всем его содержимым, в «глубокой скорби» из него съезжает. Все – грандиозная авантюра состоялась, а внимание заинтересованных лиц отвлечено загадочным исчезновением «капитана».

Мистер Саттерсвейт прервался. От удовольствия, которое он получил, излагая свою версию, лицо его раскраснелось.

– Однако, если бы не вы, – продолжил он, – я никогда бы до этого не додумался. Вы, мистер Кин, оказываете на меня магическое воздействие. Мы часто говорим о вещах, но не придаем им значения. Вы же обладаете удивительным даром заставить других заметить то, чего они не видят. Но все равно в истории с «капитаном Харвеллом» мне не все понятно. Как же ему удалось исчезнуть? Ведь полиция искала его по всей Англии.

– Да, вероятно, его искали по всей стране.

– Самое надежное для него было бы спрятаться неподалеку от дома. Если, конечно, такое возможно.

– Думаю, что он и отсиживался вблизи «Эшли-Грандж».

Собеседник мистера Кина внимательно посмотрел на него.

– Неужели в коттедже Матиаса?! – удивленно воскликнул мистер Саттерсвейт. – Но полиция же проверила его.

– И надо полагать, что не один раз.

– Выходит, что Матиас… – нахмурив брови, задумчиво произнес мистер Саттерсвейт.

– Да. И миссис Матиас тоже, – подсказал ему мистер Кин.

Мистер Саттерсвейт удивленно уставился на него.

– Если это и есть банда Клондини, – медленно произнес он, – то их должно быть трое. Двое молодых – это Харвелл и Элеонор Ле-Куто. В таком случае их матерью должна быть миссис Матиас? Но тогда…

– Как известно, садовника Матиаса мучил ревматизм, – заметил мистер Кин. – Разве не так?

– О, я все понял! – вскричал мистер Саттерсвейт. – Но возможно ли такое? Пожалуй, что да. Матиас поселился здесь за месяц до исчезновения Харвелла. Считалось, что две недели до свадьбы капитан и мисс Ле-Куто провели в Лондоне, а еще две недели – в свадебном путешествии. В такой ситуации один человек легко мог сыграть две роли – капитана Харвелла и садовника Матиаса. Пока «капитан» якобы находился в Киртлингтон-Маллет, «садовник» Матиас, мучаясь ревматизмом, лежал пластом. Это подтверждалось миссис Матиас. Ее участие в этой игре было просто необходимо – в противном случае в отношении садовника могли возникнуть подозрения. Как вы сказали, капитан Харвелл прятался в коттедже Матиасов. Так он и был тем самым Матиасом. Разыграв спектакль, а затем продав дом, он с женой уехал, сказав, что получил место в Эссексе. Таким образом, Джон Матиас и его жена навсегда исчезли.

В зал вошел Мастерс.

– Сэр, машина готова, – обращаясь к Саттерсвейту, сообщил он.

Мистер Саттерсвейт поднялся и вышел из-за стола. Мистер Кин последовал его примеру. Он подошел к окну и раздвинул шторы. В столовую отеля ворвался лунный свет.

– Смотрите, мистер Саттерсвейт, гроза прекратилась.

– На следующей неделе я обедаю с комиссаром, – надевая перчатки, важно сказал мистер Саттерсвейт. – Так что у меня будет случай поделиться с ним моими соображениями.

– Которые будет легко доказать или же опровергнуть, – подчеркнул мистер Кин. – Для этого вполне достаточно сверить предметы, находящиеся в «Эшли-Грандж», со списком похищенного во Франции антиквариата.

– Верно. Да, мистеру Брэберну крупно не повезло. Но…

– Но, я думаю, он это переживет, – закончил его мысль мистер Кин.

Прощаясь, мистер Саттерсвейт протянул ему руку:

– До свидания. Не могу выразить словами, насколько дорога мне эта встреча. Так вы говорите, что завтра уезжаете?

– Да. Но возможно, что и сегодня, в ночь. Дела свои здесь я закончил… Вы же знаете – я на одном месте долго не задерживаюсь.

Мистер Саттерсвейт непроизвольно улыбнулся – он вспомнил слова, сказанные механиком сегодня вечером: «В этом отеле посетители почему-то подолгу не задерживаются». «Да, странно все это», – подумал он и вышел на улицу, где возле машины его ждал Мастерс.

– Темная история, – донесся из открытой двери зычный голос хозяина отеля. – Темная история – вот что я вам скажу.

Для оценки истории исчезновения капитана Харвелла мистер Уильям Джонс обычно употреблял совсем другое слово. Но он был не дураком и употреблял прилагательные в зависимости от того, для кого это произносилось.

Мистер Саттерсвейт удобно расположился на заднем сиденье своего шикарного лимузина. Чувство гордости за разгадку преступления так и распирало его.

Мэри Джонс вышла из отеля и встала под поскрипывающей от ветра вывеской.

«Как мало ей известно, – глядя на девушку, подумал мистер Саттерсвейт. – Она не знает того, что я собираюсь сделать!»

А вывеска с надписью «Колокольчики и мишура» продолжала раскачиваться на ветру.

IV
Знамение

Судья заканчивал свою речь.

– Теперь, господа, – обратился он к присяжным, – на основании свидетельских показаний и ответов подсудимого вы должны решить, виновен этот человек в убийстве Вивьен Барнаби или нет. Вы слышали, что говорили слуги о времени, когда прозвучал выстрел. Их показания полностью совпадают. Вам было представлено письмо, написанное Вивьен Барнаби утром в пятницу, тринадцатого сентября, то есть в тот день, который оказался в ее жизни последним. Подлинность этого письма не вызывает сомнений даже у защиты. Как вам известно из протоколов допросов, обвиняемый поначалу отрицал, что приходил в тот день в «Диеринг-Хилл». Но впоследствии, под давлением неопровержимых улик, этот факт признал. Вы должны обратить внимание на его поведение и сделать соответствующие выводы. Особо хотелось бы подчеркнуть, что прямых улик против него нет. Так что вам самим придется решать, имел ли обвиняемый мотивы для совершения убийства и располагал ли он необходимыми для этого средствами. Защита утверждает, что, после того как подсудимый покинул музыкальную комнату, в нее вошел некто неизвестный и застрелил Вивьен Барнаби из ружья, по странной забывчивости оставленного обвиняемым. Вы слышали объяснения обвиняемого, почему дорога домой заняла у него полчаса. Если сочтете его показания неубедительными и придете к выводу, что это он, а не кто другой, выстрелом в голову убил Вивьен Барнаби, то вы, господа, должны вынести обвинительное заключение. Если же у вас на этот счет возникнут хоть какие-то сомнения, ваш долг – признать его невиновным. После этого он будет отпущен на свободу. А теперь я прошу вас пройти в совещательную комнату, а по возвращении в зал суда объявить нам свое решение.

Жюри присяжных совещалось около получаса и вынесло вердикт, в котором никто из сидевших в зале не сомневался. Как и ожидалось, подсудимого признали виновным.

Заслушав приговор, мистер Саттерсвейт в глубоком раздумье покинул здание суда.

Слушание заурядных уголовных дел особого интереса у него не вызывало. Однако дело Уайлда было особенным. Юный Мартин Уайлд производил впечатление настоящего джентльмена, а с убитой, молодой супругой сэра Джорджа Барнаби, мистер Саттерсвейт был лично знаком.

Перебирая в памяти подробности судебного разбирательства, мистер Саттерсвейт прошел Холборн и оказался в лабиринте улочек, ведущих к Сохо. На одной из таких улочек находился небольшой ресторанчик, известный лишь узкому кругу любителей хорошей кухни. Мистер Саттерсвейт входил в их число. Ресторан был дорогим, и даже очень. Что поделать! В нем могли удовлетворить свои вкусы даже самые изощренные гурманы. Здесь всегда стояла тишина, свет был приглушен, никакой музыки. Официанты с серебряными подносами в руках бесшумно передвигались по залу с видом жрецов, совершающих таинственный обряд. Назывался этот ресторан «Арлекин».

Все еще пребывая в задумчивости, мистер Саттерсвейт вошел в ресторан и направился к столику в дальнем углу, своему любимому месту. Из-за царившего в зале полумрака он не сразу заметил, что его столик занят. Подойдя поближе, Саттерсвейт увидел, что там сидит высокий брюнет. Лицо мужчины скрывала тень, а свет, преломленный витражным стеклом окна, падал на его строгий пиджак и делал его разноцветным.

Мистер Саттерсвейт собрался было повернуть назад, но тут черноволосый мужчина слегка повернул голову…

– Боже милостивый! – воскликнул привыкший к старомодным выражениям мистер Саттерсвейт. – Мистер Кин!

Это была их четвертая встреча, а все предыдущие заканчивались, как правило, чем-то очень необычным. «Странный человек этот мистер Кин, – частенько думал мистер Саттерсвейт. – У него необыкновенная способность раскрывать людям глаза на то, чего они не замечают».

Мистера Саттерсвейта охватило радостное волнение. В жизни он всегда предпочитал находиться в положении стороннего наблюдателя, но в компании Харли Кина неожиданно превращался в главного героя драмы под названием «Жизнь».

– Как же я рад этой встрече, – широко улыбаясь, произнес мистер Саттерсвейт. – Очень приятная неожиданность. Надеюсь, вы не будете возражать, если я сяду за ваш столик?

– Какие могут быть возражения. Мне будет очень приятно. Видите, я еще даже не приступил к еде.

Из темноты выплыл метрдотель и почтительно склонился над их столиком. Мистер Саттерсвейт, предпочитавший блюда, хорошо приправленные специями, с головой ушел в изучение меню. Через пару минут метрдотель, получив заказ, ушел с довольной улыбкой на лице. На смену ему пришел молодой официант и принялся сервировать стол.

– Я только что был в Олд-Бейли{ Олд-Бейли – Центральный уголовный суд в Лондоне.}, – обращаясь к своему собеседнику, сообщил мистер Саттерсвейт. – У парня плохи дела.

– Его признали виновным?

– Да. Жюри присяжных совещалось всего полчаса.

Мистер Кин покачал головой:

– При таких-то фактах по-другому и быть не могло.

– И все же… – начал мистер Саттерсвейт и тут же замолк.

– И все же ваши симпатии на стороне обвиняемого, – продолжил за него мистер Кин. – Вы это хотели сказать?

– Да. Мартин Уайлд – приличного вида юноша. Трудно поверить, что он преступник. Хотя в настоящее время немало приличных людей совершают убийства. Причем хладнокровно.

– Да, слишком много… – задумчиво произнес мистер Кин.

– Простите? – переспросил его мистер Саттерсвейт.

– Я хотел сказать, что многое в деле Мартина Уайлда притянуто за уши. С самого начала суд стал рассматривать это убийство как аналогичное тем, что совершались в последнее время: мужчина, желая жениться на другой, убивает свою подругу.

– Да, но факты свидетельствуют…

– О! – прервав собеседника, воскликнул мистер Кин. – Боюсь, что мне известны не все факты.

К мистеру Саттерсвейту мгновенно вернулась его прежняя самоуверенность, и желание рассказать мистеру Кину о подробностях трагической истории буквально захлестнуло его.

– Позвольте, я вкратце изложу суть дела. Видите ли, я знаком с супругами Барнаби, и мне известно то, о чем многие не догадываются. Я, так сказать, проведу вас за кулисы их жизни, и вы сможете взглянуть на нее как бы изнутри.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – наклоняясь к Саттерсвейту, с улыбкой произнес мистер Кин. – Если кто и сможет такое сделать, то только вы.

От столь лестных слов своего знакомого на мистера Саттерсвейта снизошло вдохновение, и он, словно боясь его потерять, обеими руками схватился за край стола. Теперь он почувствовал себя актером, у которого вся сила – в его слове.

Кратко, всего несколькими яркими фразами, мистер Саттерсвейт нарисовал картину жизни в «Диеринг-Хилл». Пожилой, разжиревший сэр Джордж Барнаби, гордившийся своим

богатством. Жуткий педант, человек, обращавший внимание на каждую мелочь и самолично заводивший по пятницам все часы в своем доме. Он, не доверяя никому, сам запирал на ночь входную дверь. Короче, был предельно осторожным.

От рассказа о сэре Джордже мистер Саттерсвейт перешел к описанию леди Барнаби. Здесь его тон стал гораздо теплее, но фразы – не менее уверенные. Встречался он с ней всего лишь раз, но впечатление об этой женщине сложилось у него весьма устойчивое и определенное. Это было дерзкое, строптивое создание и, к сожалению, очень молодое. Бедный ребенок, попавший в ловушку, – так мистер Саттерсвейт представил ее своему знакомому.

– Понимаете, она ненавидела своего супруга. Девушка вышла замуж и только спустя некоторое время поняла, что наделала. А потом…

Ее охватило отчаяние, так он описал ее положение. Она пыталась найти выход и так и этак. Своих денег у нее не было – она полностью зависела от старого мужа. Леди Барнаби жила в золотой клетке, а ключ от дверцы был у сэра Джорджа. Она не сознавала силы своих чар, поскольку как женщина еще не расцвела. Кроме того, она была натурой алчной. Эту черту Вивьен Барнаби мистер Саттерсвейт выделил особо. Наряду со своенравностью ей были присущи жадность и желание красивой жизни.

– С Мартином Уайлдом я никогда не встречался, – продолжил мистер Саттерсвейт, – только слышал о нем. Я знал, что он живет почти в миле от дома супругов Барнаби, владеет фермой. Леди Барнаби проявляла интерес к сельскому хозяйству или же делала вид, что оно ее увлекает. Мне же всегда казалось, что она просто делала вид. Думаю, что подлинный интерес женщина испытывала не к ферме, а к ее владельцу. Уверен, что в Мартине Уайлде она видела путь к спасению, поэтому и цеплялась за него, словно ребенок за игрушку. Но чем все это могло закончиться? Только одним. Мы знаем, каков был конец: на суде зачитывались письма Вивьен. И знаем, что молодой человек сохранил ее письма, а она его – нет. Так вот, из них видно, что чувства Мартина Уайлда постепенно охладевали. Он сам в этом признался. Дело в том, что в Диеринг-Вейл, где он жил, у него появилась девушка. Ее отец работал там врачом. Может быть, вы заметили ее в суде? Ах да, я совсем забыл, что вы там не были. В таком случае попытаюсь вам обрисовать ее. Хорошенькая блондинка, правда, возможно, глупенькая. Очень спокойная и, что самое главное, необычайно преданная натура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.